

Андрей Сапковский

ВЕДЬМАК

Сезон гроз

Иллюстрации Дениса Гордеева

Ведьмак

Анджей Сапковский
Ведьмак. Сезон гроз

«Издательство АСТ»

2013

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84 (4Пол)-44

Сапковский А.

Ведьмак. Сезон гроз / А. Сапковский — «Издательство АСТ»,
2013 — (Ведьмак)

ISBN 978-5-17-105486-1

Свершилось! Через пятнадцать лет после того, как была поставлена финальная точка в последнем томе о приключениях Геральта из Ривии, его создатель дарит всем поклонникам своего таланта еще одну встречу с беловолосым ведьмаком. Встречу неожиданную — и от того еще более волнующую и желанную. Чего стоит ведьмак без своих знаменитых мечей и чародейка — без своей магии? Может ли зверь найти в себе человечность, а человек — обуздать живущего в нем зверя? К чему могут привести слабости сильных мира сего? Можно ли вернуться оттуда, откуда нет возврата, если ты очень нужен здесь и сейчас? Сага А. Сапковского давно занимает почетное место в мировой традиции жанра фэнтези, а Геральт стал культовым персонажем не только в мире литературы, но и в универсуме компьютерных игр. Восьмая книга из цикла «Ведьмак» впервые выходит с иллюстрациями Дениса Гордеева, созданными специально для этого издания.

УДК 821.162.1-312.9

ББК 84 (4Пол)-44

ISBN 978-5-17-105486-1

© Сапковский А., 2013

© Издательство АСТ, 2013

Содержание

Глава первая	7
Интерлюдия	12
Глава вторая	16
Глава третья	23
Глава четвертая	26
Глава пятая	35
Глава шестая	42
Глава седьмая	49
Глава восьмая	60
Конец ознакомительного фрагмента.	69

Анджей Сапковский

Ведьмак

Сезон гроз

Andrzej Sapkowski
SEZON BURZ

Печатается с разрешения автора и литературного агентства NOWA Publishers при содействии Агентства Александра Корженевского

Copyright © Andrzej Sapkowski, 2013
© С. В. Легеза, перевод на русский язык
© ООО «Издательство АСТ», 2017

* * *

От ульрей, от окаянцев,

*от тварей длиннопалых
и от тварей, что по ночам стучатся,
Избави нас, добрый Боже!*

**Молитва просительная, известная как
«The Cornish Litany», датируемая XIV–XV вв.**

*Говорят, что прогресс разгоняет тьму. Но всегда, всегда будет
суца тьма. И всегда во тьме будет Зло, всегда будут во тьме клыки и
когти, убийство и кровь. Всегда будут твари, что по ночам стучатся.
А мы, ведьмаки, – суци, чтобы постучаться к оним.*

Весемир из Каэр Морхена

*Кто сражается с чудовищами, должен остерегаться, чтобы
самому не стать чудовищем. Если долго смотришь в бездну, бездна тоже
смотрит в тебя.*

Фридрих Ницше

По ту сторону добра и зла¹

*Смотреть в бездну, по-моему, – полный идиотизм. В мире есть
множество вещей куда более достойных того, чтобы на них смотреть.*

Люттик

Полвека поэзии

¹ Пер. Н. Полилова. – Здесь и далее, кроме отдельно оговоренных случаев, – примеч. пер.

Глава первая

Жил он лишь для того, чтобы убивать.

Лежал на прогретом солнцем песке.

Ощущал вибрации прижатыми к тверди щетинками и перистыми усиками. Хотя вибрации все еще были далеко, Идр чувствовал их отчетливо и явственно, мог определить по ним не только направление и скорость движения жертвы, но и ее вес. Для большинства хищников, что охотились сходным образом, вес жертвы имел значение первостепенное: красться, нападать, догонять означало расходовать энергию, что и приходилось восполнять энергетической ценностью пищи. Большинство подобных Идру хищников отказывалось от нападения, если добыча была слишком мала. Но не Идр. Идр существовал не для того, чтобы жрать и поддерживать род. Не для того был он создан.

Жил он для того, чтобы убивать.

Осторожно двигая конечностями, он вылез из ямины, переполз через трухлявый ствол, в три прыжка пересек бурелом, призраком метнулся через поляну, нырнул в поросший папоротником подлесок, утонул в чащобе. Двигался быстро и бесшумно, то бегом, то, словно огромный кузнечик, скачками.

Нырнул в сухостой, припал к земле сегментированной броней брюха. Вибрации грунта становились все отчетливей. Импульсы от вибрисс и щетинок Идра складывались в картинку. В план. Идр уже знал, как добраться до жертвы, в каком месте пересечь ей дорогу, как обратить ее в бегство, как длинным прыжком пасть на нее сзади, на какой высоте ударить, рубануть острыми, словно бритвы, жвалами. Вибрации и импульсы уже вздымали в нем радость, которую Идр познает, когда жертва забьется под его тяжестью, эйфорию, которую доставит ему вкус горячей крови. Наслаждение, которое он испытает, когда воздух прошьет вопль боли. Он слегка вздрагивал, раскрывая и смыкая клешни и педипальпы.

Колебания почвы были предельно отчетливы, а еще они сделались дифференцированы. Идр уже знал, что жертв больше, скорее всего три, возможно – четыре. Две сотрясали землю привычным образом, вибрации от третьей указывали на малую массу и размер. Четвертая же – если и вправду была некая четвертая – вызывала колебания спорадичные, слабые и нечеткие. Идр сделался недвижим, напряг и выставил над травой антенны, исследовал движение воздуха.

Вибрация почвы наконец-то донесла сигнал, которого Идр дожидался. Жертвы разделились. Одна, меньшая, осталась позади. А та четвертая, та неотчетливая, исчезла. Это был ложный сигнал, обманчивое эхо. Идр его проигнорировал.

Маленькая добыча еще больше отдалилась от остальных. Почва затряслась сильнее. И ближе. Идр напряг задние конечности, оттолкнулся и прыгнул.

* * *

Девочка испуганно вскрикнула. Вместо того чтобы убежать, она замерла на месте. И непрерывно кричала.

* * *

Ведьмак кинулся к ней, в прыжке выхватывая меч. И тут же понял: что-то не так. Его обвели вокруг пальца.

Мужчина, тянувший тележку с хворостом, заорал и на глазах Геральта взлетел на сажень вверх, кровь же из него брызнула широко и обильно. Он упал, чтобы тотчас взлететь снова, на этот раз двумя истекающими кровью кусками. Уже не кричал. Теперь пронзительно вопила женщина, как и дочь, – замершая и парализованная страхом.

Не веря, что ему это удастся, ведьмак все же сумел ее спасти. Подскочил к забрызганной кровью женщине и сильно толкнул, отшвыривая ее с тропинки в лес, в папоротники. И сразу понял, что это тоже было хитростью. Фортеlem. Ибо серый, плоский, многоногий и невероятно быстрый силуэт уже удалялся от тележки и первой жертвы. Двигался ко второй. К по-прежнему кричавшей девочке. Геральт метнулся следом.

Если бы та стояла на месте – он наверняка бы не успел. Но девочка поняла, что к чему, и стремглав кинулась наутек. Серая тварь, однако, добралась бы до нее быстро и без усилий – добралась бы, убила и вернулась, чтобы вдобавок прикончить и женщину. Так бы и случилось, не будь там ведьмака.

Он догнал тварь, прыгнул, придавил каблуком одну из задних конечностей. Не отскочи в тот же миг, лишился бы ноги – серая тварь с невероятным проворством вывернулась, а ее серповидные клешни клацнули, промахнувшись лишь на волос. Прежде чем ведьмак восстановил равновесие, тварь оттолкнулась от земли и атаковала. Геральт парировал рефлекторным, широким и довольно бестолковым ударом меча; отбросил тварь. Урона ей не нанес, но перехватил инициативу.

Сорвался с места, подскочил, рубя от уха, развалив панцирь на плоской головогрудь. Прежде чем ошеломленная тварь опомнилась, вторым ударом отсек ей левое жвало. Тварь кинулась на него, взмахивая лапами, стараясь прободать, словно тур, оставшимся жвалом. Ведьмак отрубил и его. Быстрым обратным ударом отхлестнул одну из педипальп. И снова рубанул в головогрудь.

* * *

До Идра наконец-то дошло, что он в опасности. Что должен убежать. Должен убежать, убежать далеко, зарыться куда-нибудь, укрыться. Он жил лишь затем, чтобы убивать. Чтобы убивать – он должен регенерировать. Должен убежать... Убежать...

* * *

Убежать ведьмак ему не позволил. Догнал, наступил на задний сегмент туловища, ударил сверху, наотмашь. На этот раз броня головогрудь уступила, из разлома брызнула и полилась густая зеленоватая сукровица. Тварь дергалась, конечности иступленно молотили по земле.

Геральт ударил мечом, напрочь отрубая плоскую голову от остального тулова.
Тяжело дышал.

Вдали загремело. Поднявшийся ветер и быстро темневшее небо возвещали близкую грозу.

* * *

Альберт Смулька, новоназначенный волостной жупан, уже при первой встрече напомнил Геральту брюкву – был округл, неопрятен, толстокож и совершенно никакков. Другими словами, не слишком-то отличался от прочих служащих волостного уровня, с какими Геральту приходилось иметь дело.

– Получается, что это правда, – сказал жупан. – Что как ведьмак ты в работе справный.

– Йонас, предшественник мой, – продолжил он через минутку, так и не дождавшись никакой реакции от Геральта, – нахвалиться на тебя не мог. Подумать токмо, а я полагал – дурит он. Стало быть, не доверял я ему, выходит. Знаю ж, как быль сказкой обрastaет. Особенно у люда темного, у того, где что ни слово – так чудо али диво, али иной какой ведьмак сил нелюдских. А тут – нате, вылезает, что оно правда истинная. Там, в бору, за речушкой-то, людишек сгинуло – не счесть. А поскольку там дорога к городку прямая, они тудой и ходили, дурни... На погибель собственную. На предупрежденья невзирая. Нонче такое уж времечко, что по пустошам лучше не шляться, по лесам не лазить. Всюду чудища, всюду людоедцы. В Темерии, на Тукайском Погорье, давеча жуткое дело стряслось, пятнадцатерых людей упырь какой-то в углежогском хуторке поубивал. Хутор тот Роговизной звался. Слышал наверняка ж. Нет? Но правду говорю, чтоб я сдох. Даже чернокнижники, болтают, в той Роговизне следствие вели. Ну, да что болтать? Мы нынче здесь, в Ансегисе, в безопасности. Благодаря тебе.

Он вынул из комода шкатулку. Развернул на столе лист бумаги, макнул перо в чернильницу.

– Обещал ты, что страшилище убьешь, – сказал жупан, не поднимая головы. – Получается, слов на ветер не бросаешь. Человек ты верный, как для бродяги... Да и людишкам тамошним жизнь спас. Бабе и девке. Поблагодарили они хоть? Пали в ножки?

Не пали, поиграл желваками ведьмак. Потому как еще в себя не пришли. А пока придут – я уж отсюда и уеду. Пока они поймут, что я их использовал как приманку, в самонадеянной гордыне уверенный, что сумею защитить всех троих. Я уеду, прежде чем до девочки дойдет, что из-за меня она теперь полусирота.

Чувствовал он себя поганно. Наверняка был это результат использованных перед боем эликсиров. Наверняка.

– Сей же монструм, – жупан сыпал бумагу песком, а потом стряхнул песок на пол, – истинная мерзость. Я глянул на труп, когда принесли... Что оно такое было?

Геральт тоже сомневался в видовой принадлежности твари, но не собирался признаваться.

– Арахноморф.

Альберт Смулька пожевал губами, тщетно пытаясь повторить.

– Тьфу ж ты, как звали – так звали, пошло оно псу под хвост. Это тем мечом ты его засек? Этим вот клинком? Можно глянуть?

– Не можно.

– Ха, верно, потому что зачатое лезвие. Да и дорогое поди... Лакомый кусочек... Ну, мы-то здесь ля-ля-ля, а времечко бежит. Договор исполнен, пора платить. Но сперва – формальности. Распишись-ка на фактуре. Значится, крестик поставь или иной какой знак.

Ведьмак взял поданный ему счет, повернулся к свету.

– Гляньте на него, – кривясь, покачал головой жупан. – Типа чего, читать умеет?

Геральт положил бумагу на стол, толкнул в сторону чиновника.

– В документ, – сказал тихо и спокойно, – вкралась ошибка. Мы договаривались на пятьдесят крон. Счет составлен на восемьдесят.

Альберт Смулька сплел пальцы, положив на них подбородок.

– Это не ошибка, – он тоже понизил голос, – а, скорее, знак признания. Ты убил страшное страшилище, а оно наверняка ведь непростая была работенка... Сумма никого не удивит...

– Не понимаю.

– Ага, как же. Не изображай невинность. Сказать мне хочешь, что Йонас, когда здесь правил, не выставлял тебе таких фактур? Голову на отсечение дам, что...

– Что – «что»? – оборвал его Геральт. – Что он завышал счета? А разницу, на которую облегчал королевскую казну, делил со мной напополам?

– Напополам? – жупан скривился. – Ты не слишком-то, ведьмак, не слишком. Подумать только, важный какой! Ты с разницы треть получишь. Десять крон. Для тебя оно и так премия немалая. А мне больше надлежит получать хотя б из-за положения моего. Урядникам державным следует быть состоятельными. Чем урядник державный состоятельней, тем и державы престиж выше. Да что бы ты о таком знал?.. Наскучил мне уже наш разговор. Подпишешь счет или как?

Дождь стучал по крыше, снаружи лило как из ведра. Но уже не гремело, гроза уходила.

Интерлюдия

Двумя днями позже

– Милости просим, уважаемая, – властно склонил голову Белогун, король Керака. – Милости просим. Слуги, стул!

Свод комнаты украшал плафон – фреска, представлявшая парусник меж волн, тритонов, гиппокампов и созданий, напоминавших омаров. Фреска же на одной из стен была картой мира. Картой, как давно удостоверялась Коралл, предельно фантастической, с реальным положением суши и вод не имеющей ничего общего. Но симпатичной и выполненной со вкусом.

Два пажа приволокли и установили тяжелое резное кресло. Чародейка села, возложив руки на подлокотники так, чтоб ее усеянные рубинами браслеты были хорошо видны и оказались в центре внимания. На завитых волосах ее возлегала еще и рубиновая диадема, а в глубоком декольте – рубиновое кольцо. Все специально для аудиенции у короля. Она хотела произвести впечатление. И производила. Король Белогун таращил гляделки, не понять – на рубины или на декольте.

Белогун, сын Осмика, был, можно сказать, королем в первом поколении. Отец его сколотил немалое состояние на морской торговле и, как поговаривали, на морском разбое. Прикончив конкурентов и монополизировав каботажные рейсы, Осмик провозгласил себя королем. Акт самозванной коронации, по сути, лишь формализовал статус-кво, а потому не возбудил серьезных возражений, как не вызвал и протестов. Во время предыдущих малых войн и войнушек Осмик разрешил конфликты – пограничные и властные – с соседями, Вердэном и Цида-рисом. Стало ясно, где Керак начинается, где заканчивается и кто в нем правит. А коль правит – то он король, и надлежит ему носить таковой титул. Естественным образом титул и власть переходят от отца к сыну, а потому никто и не удивился, что после смерти Осмика на трон сел его наследник, Белогун. Правда, сыновей у Осмика было чуть поболее, как минимум еще четверо, но все они отреклись от права на корону, а один вроде бы даже добровольно. Так вот и вышло, что Белогун правил в Кераке уже лет двадцать с гаком, согласно семейной традиции извлекая прибыль с верфей, транспорта, рыболовства и пиратства.

Нынче же король Белогун давал прием: на троне, на возвышении, в собольем колпаке, со скипетром в руке. Величественный, словно жук-навозник на коровьей лепешке.

– Почтенная и милая сердцу нашему госпожа Литта Нейд, – приветствовал он. – Возлюбленная наша чародейка Литта Нейд. Ты изволила снова проведать Керак. И должно быть, снова надолго?

– Мне полезен морской воздух. – Коралл провокационно положила ногу на ногу, демонстрируя туфельку на модной нынче пробке. – По милостивому разрешению вашего королевского величества, конечно.

Король повел взглядом по сидевшим подле сыновьям. Долговязые, словно орясины, оба они ничем не напоминали отца: костистого, жилистого, однако ростом, увы, не вышедшего. Да и братьями они не казались. Старший, Эгмунд, черный, словно ворон. Ксандер, чуть помладше, блондин, почти альбинос. Оба поглядывали на Литту без симпатии. Их явно раздражала привилегия, в силу которой чародеи в присутствии королей сидели, а аудиенции им давали на стульях. Однако привилегия была распространена широко, и никто, почитавший себя цивилизованным, не смел ею пренебречь. А сыновья Белогуна весьма желали сойти за цивилизованных.

– Милостивое разрешение, – медленно проговорил Белогун, – мы дадим. С определенной оговоркой.

Коралл подняла руку и принялась внимательно разглядывать ногти, демонстрируя, где именно она видала оговорки Белогуна. Король знака не воспринял. А если и воспринял, то умело это скрыл.

– Дошло до ушей наших, – засопел он гневно, – что бабам, которые детей не желают, уважаемая госпожа Нейд предлагает магические декокты. А тем, кто уже в тяжести, помогает плод сбросить. Мы же здесь, в Кераке, такую процедуру полагаем аморальной.

– То, на что у женщины есть природное право, – сухо ответствовала Коралл, – не может быть аморальным *ipso facto*².

– Женщина, – король сел на троне ровно, худощавый и поджарый, – имеет право ожидать от мужчины лишь два дара: лето встретить в тяжести, а на зиму получить лапти из тонкого лыка. Как первый, так и второй дар должны заякорить женщину в доме. Ибо дом является местом для женщины соответствующим, природой ей предписанным. Женщина с большим пузом и цепляющимся за подол потомством от дома не удалится, и в голову ей никакие глупости не придут, а сие гарантирует также и спокойствие духа мужчины. Спокойный же духом мужчина способен тяжко трудиться заради умножения богатства и благосостояния своего владыки. Трудящемуся же в поте лица своего и без передыху, спокойному за чету свою мужчине в голову не придут также и никакие глупости. А коли женщине некто подскажет, что должна она рожать, когда пожелает, а когда не пожелает – то и не должна, да когда некто вдобавок подскажет ей способ и подсунет средство, тогда, почтенная, общественный порядок начнет рушиться.

– Верно, – вмешался принц Ксандер, уже давненько ждавший okazji, чтобы вмешаться. – Именно так.

– Женщина, отвергающая материнство, – продолжал Белогун, – женщина, кою не удерживают в дому живот, люлька и малыцы, вскоре уступит похоти, и се дело очевидное, неминуемое. И тогда же мужчина утратит внутреннее спокойствие и равновесие духа, в былой его гармонии что-то вдруг разладится и засмердит, да что там – окажется, что он ни гармонией никакой не обладает, ни сообразностью. Особенно той сообразностью, что обосновывает ежедневную его страду в поте лица своего. А также выйдет наружу, что результаты той страды в поте лица его присваиваю я. Ну а от мыслей подобных один лишь шаг до крамолы. До комплота, бунта, мятежа. Поняла ль ты, Нейд? Кто дает бабам средства против беременности или помогающие ее прервать, тот подтачивает общественный порядок, подзуживает к бунтам и крамоле.

– Верно! – вмешался Ксандер. – Точно сказано!

Литта плевать хотела на видимость авторитета и власти Белогуна, она знала прекрасно, что как чародейка – неприкасаема и единственное, на что способен король, – трепать языком. Однако Коралл удержалась от подробного высказывания о том, что в королевстве его разлад и смрад ощутимы уже давно, что сообразности в нем – кот наплакал, а единственная гармония, здешним обитателям известная, это музыкальный инструмент, разновидность аккордеона. И что втягивать в это еще и женщин, материнство или отказ от одного – доказательство не только мизогинии, но и кретинизма.

– В твоих пространных речах, – сказала она вместо этого, – то и дело возникал мотив умножения богатства и достатка. Я прекрасно тебя понимаю, поскольку и собственный достаток мне любезен чрезвычайно. И ни за что на свете я не откажусь от того, что достаток сей мне обеспечивает. Полагаю я, что женщина имеет право рожать, когда хочет, и не рожать, когда не хочет, но не стану на эти темы спорить, поскольку каждый имеет право на какие-то там убеждения. Обращу лишь внимание, что за оказание женщинам медицинской помощи я беру плату. Это довольно значимый источник моих доходов. У нас экономика свободного рынка, король. Не вмешивайся, очень тебя прошу, в источник моих доходов. Поскольку мои доходы, как тебе

² В силу самого факта (лат.).

прекрасно известно, это еще и доходы Капитула и всего братства. А братство исключительно скверно реагирует на попытки свои доходы уменьшить.

– Уж не пытаешься ли ты мне угрожать, Нейд?

– Как бы я посмела? Более того, я предлагаю далеко идущие помощь и сотрудничество. Знай, Белогун, что если в результате проводимого тобою давления и грабежа дойдет в Кераке до беспорядков, если вспыхнет здесь, высокопарно выражаясь, факел бунта, если подступит сюда взбунтованная чернь, чтобы выволочь тебя за чуб, сбросить с престола, а после того вздернуть на сухой ветви... Вот тогда ты можешь рассчитывать на мое братство. На волшебников. Ибо мы придем на помощь. Не допустим ни бунта, ни анархии, поскольку они и нам не на руку. Оттого взыскивай и умножай богатство. Умножай спокойно. И не мешай умножать другим. Очень прошу и всерьез тебе советую.

– Советуешь? – распетушился, привстав с кресла, Ксандер. – Ты советуешь? Отцу? Отец – король! Короли не слушают советов, короли приказывают!

– Сядь, сын, – скривился Белогун, – и сиди тихо. А ты, чародейка, напряги-ка слух. Хочу тебе кое-что сказать.

– Ну?

– Беру я себе новую женку... Семнадцать лет... Вишенка, скажу тебе. Вишенка в крему.

– Мои поздравления.

– Делаю я это по причинам династическим. В заботе о преемственности и достатке державы.

Дотоле молчаливый, будто камень, Эгмунд вскинул голову.

– Преемственность? – рявкнул, и злой блеск в его глазах не ускользнул от внимания Литты. – Какая такая преемственность? У тебя шестеро сынов и восемь дочек, считая убождков! Мало тебе?

– Сама видишь, – махнул костистой рукой Белогун. – Сама видишь, Нейд. Надобно мне позаботиться о преемственности. Следует ли мне оставлять королевство и корону тому, кто таким вот манером обращается к родителю? К счастью, я еще живой и правлю. И править намереваюсь долгонько. Как сказал уже – женюсь...

– Ну и?

– Когда бы... – король почесал за ухом, взглянул на Литту из-под прищуренных век. – Когда бы она... Моя новая жена, значит... Обратилась бы к тебе за оными средствами... Я запрещаю их ей давать. Поскольку мне те средства не по нраву! Поскольку это неестественно!

– Так мы можем договориться, – очаровательно улыбнулась Коралл. – Вишенке твоей, обратись она ко мне, я их не предоставляю. Клянусь.

– Вот и славно, – просиял Белогун. – Видишь, как расчудесно мы нашли общий язык. Главное ж – взаимное понимание и двустороннее уважение. Даже не сойтись во мнениях можно красиво.

– Верно, – вмешался Ксандер. Эгмунда передернуло, он тихо выругался.

– В рамках уважения с пониманием, – Коралл, накручивая рыжий локон на палец, взглянула вверх, на плафон, – равно как и в заботе о гармонии и благосостоянии твоей державы... Есть у меня некая информация. Доверительная информация. Я презираю доноительство, но обман и преступление презираю еще сильнее. А речь, мой король, идет о дерзком финансовом обмане. Есть те, кто пытается тебя обкрадывать.

Белогун склонился на троне, и лицо его искривилось по-волчьи.

– Кто? Имена!

Керак – город в северном королевстве Цидарис, в устье реки Адалатте. Некогда столица отдельного королевства К., кое в результате дурного правления и пресечения властвующей ветви захирело, утратило значение и было поделено и поглощено соседями. Имеет порт, несколько фабрик, морской маяк и около 2000 жителей.

Эффенберг и Тальбот

Encyclopaedia Maxima Mundi, том VIII

Глава вторая

Залив щетинился мачтами и полнился парусами, белыми и разноцветными. Крупные корабли стояли на прикрытом мысом и волноломом рейде. В самом порту, у деревянных молов, чалились судна поменьше и совсем махонькие. На пляжах почти все свободные места занимали лодки. Или остатки лодок.

На носу мыса, исхлестанный белыми волнами прибоя, вздымался морской маяк белого и красного кирпича, обновленный реликт эльфийских времен.

Ведьмак тронул шпорой бок кобылки. Плотва вскинула голову, раздула ноздри, словно и сама радовалась запаху моря, несомому ветром. Понукаемая, двинулась через дюны. К близкому уже городу.

Город Керак, главный мегаполис одноименного королевства, раскинулся вдоль обоих берегов устья реки Адалатте и разбит был на три отдельные, явственно отличные друг от друга зоны.

На левом берегу Адалатте находились порт, доки и промышленно-торговый район, охватывавший верфь с мастерскими, а также предприятия по переработке, склады и ангары, торжища и базары.

Противоположный берег реки, территорию, называемую Пальмирой, заполняли лачуги да хибары бедноты и работного люда, дома и лавки мелких торговцев, бойни, мясные прилавки и многочисленные, оживающие преимущественно в сумерках, кабаки да таверны. Ибо Пальмира была и районом развлечений, запретных удовольствий. Также, насколько знал Геральт, здесь запросто можно было лишиться кошелька или получить нож под ребро.

Подальше от моря, на левом берегу, за высоким частоколом из толстенных бревен располагался, собственно, сам Керак: кварталы узких улочек меж домами богатых купцов и финансистов, факториями, банками, ломбардами, мастерскими швецов и сапожников, магазинами и магазинчиками. Наличествовали здесь также постоянные дворы и места развлечений высшего разряда, предлагая, впрочем, ровно те же улады, что и портовая Пальмира, но за куда большие деньги. Центр квартала состоял из четырехугольного рынка, здания городской ратуши, театра, суда, таможенной конторы и домов городской элиты. У входа в ратушу на постаменте высился жутко обгаженный чайками памятник основателю города, королю Осмику. Была это явная липа, приморский город возник задолго до того, как Осмик прибыл сюда бес его знает откуда.

Повыше, на взгорье, стоял замок и королевский дворец, в формах и абрисах довольно нетипичных, поскольку ранее был он древним храмом, перестроенным и расстроеным после того, как оставили его жрецы, разочарованные полным отсутствием интереса со стороны народа. От храма сохранилась даже кампанила, сиречь колокольня с большим колоколом, в который нынче властвующий в Кераче король Белогун приказывал бить ежедневно в полдень и – к неизбывной злобе подданных – в полночь.

Колокол заголосил, когда ведьмак въехал меж крайними хибарами Пальмиры.

Пальмира воняла рыбой, стиркой и кружалом, толкотня на улочках была ужасная, проезд стоил ведьмаку изрядного времени и терпения. Он вздохнул с облегчением, когда наконец-то добрался до моста и переехал на левый берег Адалатте. Вода смердела, разнося комья грязной пены, результат работы стоявшего выше по реке кожевенного заводика. Отсюда недалёко было до дороги, ведущей к окруженному частоколом бургу.

Он отвел лошадь в конюшни под бургом, заплатив за пару дней наперед и оставляя конюху бакшиш, чтобы гарантировать Плотве должный присмотр. Направился к караульне. В Керак можно было попасть лишь через караульню, после прохождения контроля и сопровождающих оному малоприятных процедур. Ведьмака эта необходимость несколько раздражала, но

он понимал ее цель – обитателей бурга за частоколом не слишком радовала мысль о визитах гостей из портовой Пальмиры, особенно сошедших на сушу моряков из чужедальних стран.

Он вошел в караульню – деревянный сруб, в котором находилась, как он знал, кордегардия. Полагал, будто знает, что его ждет. Ошибался.

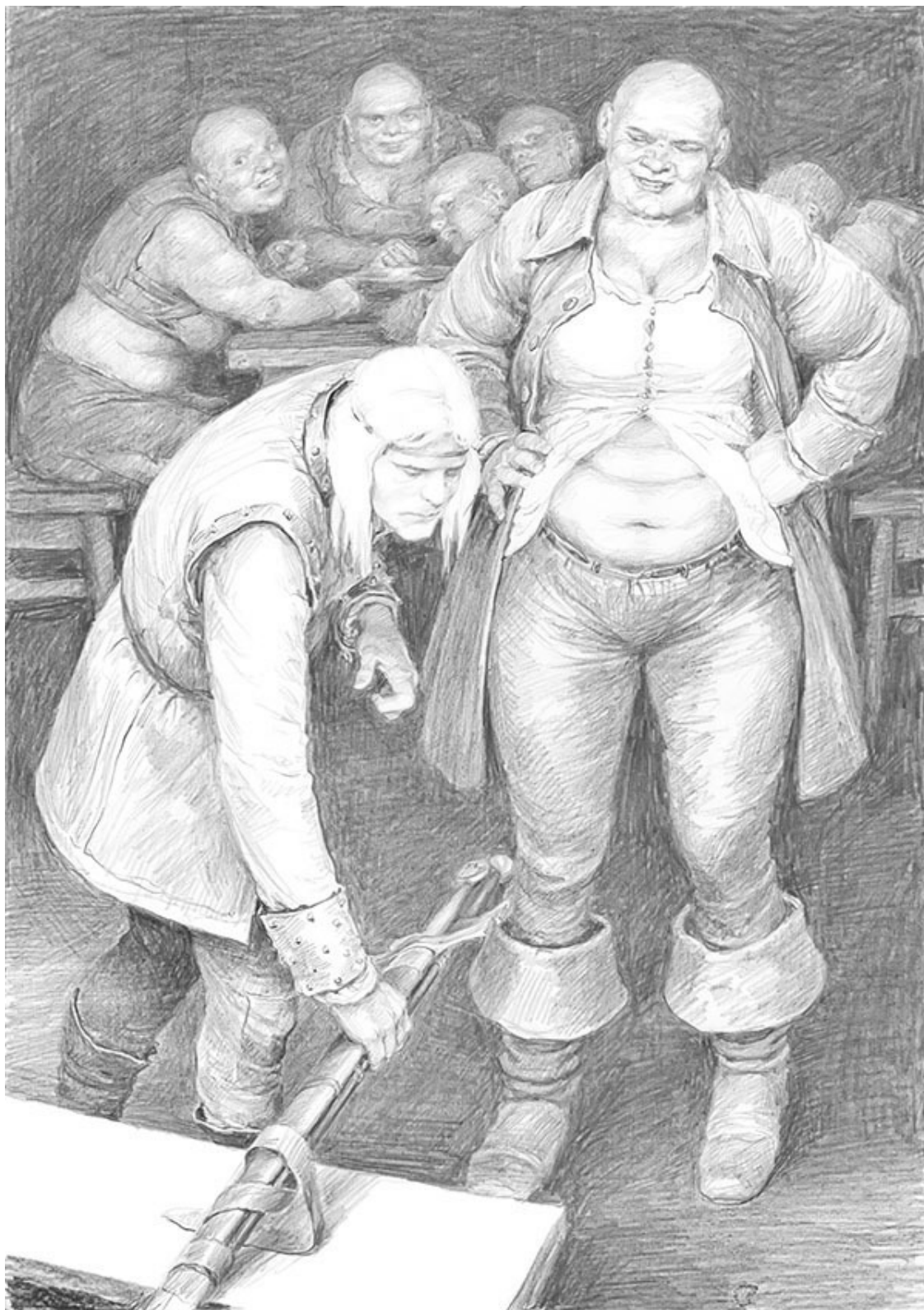
В жизни своей доводилось ему посещать различные кордегардии. Малые, средние и большие, в закоулках мира близких и весьма отдаленных, в регионах, отягченных цивилизацией в большей и меньшей степени, а то и вовсе не отягченных. Все кордегардии мира смердели затхлостью, потом, кожей и мочой, как, впрочем, и железом со смазкой для консервации оружия. То же было и в кордегардии Керака. Вернее, было бы, когда б классические кордегардные запахи не забивала тяжелая, душная, под потолок встающая вонь пердежа. В меню гарнизона здешней кордегардии, несомненно, преобладали крупносеменные стручковые, навроде гороха, бобов и цветной фасоли.

Гарнизон же был исключительно дамским. Состоял он из шести женщин. Сидевших за столом и увлеченных полуденной трапезой. Все дамы жадно хлебали из глиняных мисок нечто, что плавало в реденьком перцовом соусе.

Самая высокая из стражниц, видать, комендант, отодвинула от себя миску, встала. Геральт, который всегда полагал, что некрасивых женщин не бывает, внезапно почувствовал настоятельную необходимость пересмотреть свои убеждения.

– Оружие на лавку!

Как и все присутствующие, стражница была острижена наголо. Волосы успели чуток отрасти, покрыв лысую голову неопрятной щетиной. Из-под расстегнутого камзола и расхлуженной рубахи виднелись мышцы пресса, при виде которых сам собою вспоминался большой перетянутый рулет. Бицепсы стражницы, дабы остаться в рамках гастрономической образности, были размером со свиные окорока.

– Сказала же – оружие на лавку! – повторила она. – Оглох?

Одна из ее подчиненных, все еще склоненная над миской, чуток приподнялась и перднула, истоково и протяжно. Ее подруги заржали. Геральт обмахнулся перчаткой. Стражница глядела на его мечи.

– Эй, девочки! Давайте-ка сюда!

«Девочки» встали, без охоты, потягиваясь. Все, как заметил Геральт, одевались в стиле скорее свободном и легком, а главное, позволявшем прихвастнуть мускулатурой. На одной были короткие кожаные штаны с распоротыми по шву штанинами, чтобы втиснуть голени. А вверху от талии одежкой ей служили в основном перекрещивавшиеся ремни.

– Ведьмак, – сказала она. – Два меча. Стальной и серебряный.

Вторая, как и все – высокая и широкая в плечах, приблизилась, бесцеремонным движением распахнула рубаху Геральта, ухватила за серебряную цепочку, выудила медальон.

– И знак есть, – подтвердила. – На знаке волк, с зубами ощеренными. Выходит, и вправду ведьмак. Пропускаем?

– Устав не запрещает. Мечи он сдал...

– Именно, – спокойно включился в беседу Геральт. – Сдал. И полагаю, они пребудут пока в охраняемом депозите? И я получу их назад по расписке? Каковую мне сейчас выдадут?

Стражницы, щеря зубы, окружили его. Одна толкнула, словно бы невзначай. Вторая громко перднула.

– Вот тебе расписка, – фыркнула она.

– Ведьмак! Наемный убийца чудовищ! А мечи отдал! Сразу! Покорный, как пацанчик!

– Хреняшку свою тоже бы сдал, если бы приказали.

– Так прикажем, а? Что, девки? Пусть вынет из штанов!

– Подивимся, какие там у ведьмаков хреняшки!

– Хватит, – рявкнула комендант. – Разыгрались, дырки. Гонсхорек, ну-ка сюда! Гонсхорек!

Из соседнего помещения появился лысоватый и немолодой милсдарь в бурой епанче и шерстяном берете. Едва войдя – раскашлялся, снял берет и принялся им обмахиваться. Без слова принял обернутые ремнями мечи, сделал Геральту знак, чтобы шагал следом. Ведьмак не заставил себя упрашивать. В наполнявшей кордегардию смеси газов газы кишечные уже начинали преобладать.

Помещение, в которое они вошли, разделяла толстая железная решетка. Милсдарь в епанче заскрежетал в замке большим ключом. Повесил мечи на крючок подле прочих мечей, сабель, кордов и ножей. Раскрыл потрепанную амбарную книгу, карябал там медленно, неторопливо, непрестанно кашляя и с трудом переводя дыхание. Наконец он вручил Геральту расписку.

– Я так понимаю, мои мечи здесь – в безопасности? Под ключом и охраной?

Бурый милсдарь, тяжело дыша и похрипывая, затворил решетку и показал ему ключ. Геральта это не убедило. С любой решеткой можно совладать, а звуковые эффекты от флатуленции дам-стражей по-любому заглушат попытки взлома. Однако выхода не было. Надлежало завершить в Кераке то, ради чего он прибыл. И покинуть город как можно скорее.

* * *

Кабак или же – как гласила вывеска – австерия «Natura Rerum»³ располагалась в не слишком большом, но довольно изящном строении кедрового дерева, с остроугольной крышей и высоко торчащей трубой. Фасад дома украшало крыльцо, уставленное раскидистыми алоэ в деревянных кадках. Из помещения доносились кухонные запахи, главным образом печеного на решетках мяса. Запахи были столь соблазнительны, что ведьмаку «Natura Rerum» сразу же показалась Эдемом, садом наслаждений, островом счастья. Местом успокоения благословенных, млеком и медом истекающим.

³ «Природа вещей» (лат.); стоит напомнить, что похоже («De Rerum Natura» – «О природе вещей») называлась знаменитая поэма Тита Лукреция Кара.

Оказалось, однако, что Эдем оный – как и всякий Эдем – охраняем. Был у него свой цербер, страж с мечом огненным. Геральту выпала оказия увидеть его в действии. Цербер, мужик невысокий, но кряжистый, на его глазах изгнал из садов наслаждений худого юнца. Юнец протестовал – покрикивал и жестикулировал, что, похоже, цербера нервировало.

– Тебе запрещено входить, Муус. И ты хорошо об этом знаешь. Так что – ступай себе. Я повторять не стану.

Юнец торопливо отшагнул от ступеней, чтобы избежать толчка. Был он, как заметил Геральт, преждевременно лысеющим, реденькие и длинненькие белесые волосы начинали расти в районе темени, что, в общем-то, производило впечатление куда как мерзкое.

– Драл я вас и ваш запрет! – распалялся юнец с безопасного расстояния. – Не больно-то и хотелось! Да вы и не одни, к конкурентам пойду! Индюки надутые! Парвеню! Вывеска золоченая, а на сапогах – дерьмо все то же! И значите для меня ровно столько же, как дерьмо это! А говно – говном и останется!

Геральт слегка обеспокоился. Лысеющий юноша, хоть и мерзкий экстерьером, выглядел вполне себе по-господски, может, и не по-богатому, но в любом случае куда изысканней его самого. А потому, если именно изысканность являлась решающим критерием...

– А ты куда, спрошу-ка, – холодный голос цербера прервал течение его мыслей. И подтвердил опасения.

– Это эксклюзивное заведение, – продолжил цербер, загораживая собой лестницу. – Понимаешь значение слова? Это типа исключительное. Для немногих.

– Отчего не для меня?

– Не платье красит человека, – стоявший двумя ступеньками выше цербер мог смотреть на ведьмака сверху вниз. – И ты, чужеземец, ходячая иллюстрация этой народной мудрости. Твое платье ничуть тебя не красит. Может, и украшают тебя иные – скрытые – вещи, вникать не стану. Повторю: это эксклюзивное заведение. Мы не рады здесь людям, одетым как бандиты. Равно как и людям вооруженным.

– Я не вооружен.

– Но выглядишь совсем даже наоборот. Оттого – будь добр, направь стопы куда-нибудь в другое место.

– Погоди-ка, Тарп.

В дверях заведения появился смуглый мужчина в бархатном кафтане. Брови – кустистые, взгляд – пронзительный, а нос – орлиный. И крупный.

– Похоже, – поучал цербера орлиный нос, – ты не в курсе, с кем имеешь дело. Не знаешь, кто к нам заглянул.

Затянувшееся молчание цербера свидетельствовало, что тот и вправду не знает.

– Геральт из Ривии. Ведьмак. Известный тем, что защищает людей и спасает их жизни. Как неделю тому здесь, в наших краях, в Ансегисе: спас мать с ребенком. А несколькими месяцами ранее, в Цизмаре, и о том много говорили, убил он левкроту-людоедку⁴, сам при этом получив ранения. Посмел бы я кому-то, кто занят таким вот честным ремеслом, запретить вход в мое заведение? Вовсе нет: я рад такому гостю. И почту за честь, что он решил меня посетить. Господин Геральт, австерия «Natura Regum» приветствует вас в своих стенах. Я Феб Равенга, владелец этой скромной ресторации.

Стол, за который усадил его мэтр, был накрыт скатертью. Все столы в «Natura Rerum» – в большинстве своем занятые – накрыты были скатертями. Геральт не помнил, когда он в последний раз видывал скатерти в кабаке.

⁴ Известна также под названиями «левкрокотта», «корокотта» и т. д. Как сказано у Плиния, «„левкрокота“ – самый быст-
роногий зверь величиной почти с осла, с оленьим крупом, львиными шеей, хвостом и грудью, с барсучьей головой, раздво-
енными копытами, со ртом от уха до уха, а вместо зубов у него сплошная кость – и говорят, что это животное подражает
человеческим голосам». (Перевод с лат. И. Ю. Шабана). – *Примеч. ред.*

Хоть и заинтригованный, он не глазел по сторонам, не желая сойти за провинциала и простеца. Мимолетный взгляд, однако, выявил обстановку скромную, хоть утонченную и изысканную. Изысканной – пусть не всегда утонченной – была и клиентура: по его прикидкам, в основном купцы и ремесленники. Встречались капитаны кораблей, загорелые и бородатые. Хватало и пестро одетых господ дворян. Пахло здесь тоже славно и изысканно: жареным мясом, чесноком, тмином и большими деньгами.

Он почувствовал на себе взгляд. Когда за ним наблюдали, его ведьмачьи инстинкты сигнализировали об этом тотчас. Он зыркнул уголком глаза.

Наблюдавшей – и тоже весьма скрытно, незаметно для обычного смертного – была молодая женщина с по-лисий рыжими волосами. Изображала она предельную увлеченность блюдом – чем-то аппетитным на вид и даже издали искушающе пахнувшим. Внешний вид, как и язык тела, не оставлял места для сомнения. Только не для ведьмака. Он готов был биться об заклад, что это – чародейка.

Мэтр, прокашлявшись, оторвал его от раздумий и накатившей вдруг ностальгии.

– Сегодня, – сообщил торжественно и не без гордости мэтр, – мы предлагаем телячье гузно, тушеное в овощах с грибами и фасолью. Ягнячий костец, печеный с баклажанами. Свиной бок в пиве, подаваемый с глазурированными сливами. Лопатку кабана печеную, подаваемую с яблоками в желе. Утиную грудку жареную, подаваемую с красной капустой и клюквой. Кальмаров, фаршированных цикорием, с белым соусом и виноградом. Удильщика на решетке, в сметанном соусе, подаваемого с тушеными грушами. А еще наше фирменное: гусиные ножки в белом вине, с набором фруктов, запеченных в фольге, и тюрбо с рачьими шейками в карамелизированных чернилах каракатицы.

– Если предпочитаешь рыбу, – у стола невеста когда появился Феб Равенга, – то я крайне рекомендую тюрбо. Из утреннего лова, само собой. Гордость шефа нашей кухни.

– Тогда тюрбо в чернилах, – ведьмак одолел в себе иррациональное желание заказать сразу несколько блюд, понимая, что это было бы дурновкусием. – Спасибо за совет. Я уж начал испытывать муки выбора.

– Какое вино желает милсдарь предпочесть? – спросил мэтр.

– Прошу вас выбрать что-нибудь подходящее. Я слабо разбираюсь в винах.

– Мало кто это признаёт, – усмехнулся Феб Равенга. – И куда как немногие в этом признаются. Не беспокойтесь, подберем сорт и год, господин ведьмак. Не стану мешать, доброго вам аппетита.

Пожеланию не дано было сбыться. Геральту не пришлось также узнать, какое вино ему подберут. И вкус тюрбо в чернилах каракатицы также остался для него загадкой.

Рыжеволосая женщина внезапно отбросила свои уловки, нашла его взглядом. Улыбнулась. Он не мог избавиться от впечатления, что – злорадно. Почувствовал дрожь.

– Ведьмак, называемый Геральтом из Ривии?

Вопрос задал один из трех одетых в черное субъектов, которые тихонько подошли к столу.

– Это я.

– Именем закона, вы арестованы.

Какой же суд мне страшен, если прав я?
В. Шекспир
Венецианский купец⁵

⁵ Пер. Т. Щепкиной-Куперник.

Глава третья

Назначенная Геральту государственная защитница избегала смотреть ему в глаза. С упорством, достойным лучшего применения, она листала папку с документами. Документов там было немного. Точнее – два. Госпожа адвокат, должно быть, учила их наизусть. Чтобы блеснуть защитной речью – надеялся он. Но была это, как подозревал, надежда тщетная.

– В тюрьме, – госпожа адвокат наконец подняла взгляд, – вы причинили увечья двум сокамерникам. Мне, полагаю, стоило бы знать причину?

– *Primo*, я отверг их сексуальные ухаживания, они же не хотели понять, что «нет» означает «нет». *Secundo*, я люблю бить людей. *Tertio*, это ложь. Они сами покалечились. О стены. Чтобы меня очернить.

Говорил он неторопливо и равнодушно. После недели, проведенной в тюрьме, ведьмак сделался совершенно равнодушен. Защитница закрыла папку. Чтобы тут же снова ее открыть. После чего поправила вычурный парик.

– Избитые, – вздохнула она, – жалобу, думаю, не подадут. Поэтому сосредоточимся на акте инстингаторском. Ассессор трибунала обвинит тебя в серьезном преступлении, грозящем суровым наказанием.

А как же иначе, подумал он, созерцая красоту госпожи адвоката. Задумался, сколько ей было лет, когда попала в школу чародеек. И в каком возрасте школу эту покинула.

Оба действующих университета чародеев – мужской в Бан Арде и женский в Аретузе на острове Танедд – кроме выпускников и выпускниц производили также отходы. Несмотря на густое сито вступительных экзаменов, в принципе позволявшее отсеять и отделить безнадежные случаи, только первые семестры осуществляли реальную селекцию и выявляли тех, кто умел маскироваться. Тех, для кого мышление оказывалось делом досадным и нежеланным. Скрытых глупцов, лентяев и ментальных сонь обоих полов, коим в школах магии ловить было нечего. Проблема состояла в том, что они обычно оказывались отпрысками персон зажиточных – или по иным каким причинам считавшихся важными. После изгнания из университета надлежало с этой молодежью что-то делать. С парнями, выброшенными из школы в Бан Арде, проблем не возникало – они попадали к дипломатам, ждали их армия, флот и полиция, а для самых безнадежных оставалась политика. Магические отбросы прекрасного пола лишь на первый взгляд было сложнее пристроить к делу. Пусть даже впоследствии изгнанные, дамочки-то сперва переступали порог чародейского университета и сколько-то там магии успевали опробовать. А влияние чародеек на правителей и на все сферы политико-экономической жизни было слишком велико, чтобы бросать дам на произвол судьбы. Так что им обеспечивали безопасную пристань. Попадали они в сферу справедливости. Становились юристками.

Защитница закрыла папку. После чего снова открыла.

– Я рекомендую признать свою вину, – сказала она. – Тогда мы можем рассчитывать на более легкий приговор...

– Признать в чем? – прервал ведьмак.

– Когда суд спросит, признаёшь ли – отвечай утвердительно. Признание вины будет признано смягчающим обстоятельством.

– Как тогда ты собираешься меня защищать?

Госпожа адвокат захлопнула папку. Словно крышку гроба.

– Пойдем. Суд ждет.

Суд ждал. Из судебного же зала как раз выводили предыдущего делинквента⁶. Не слишком-то, как заметил Геральт, радостного.

На стене висел засиженный мухами щит, на нем можно было разглядеть герб Керака, голубой дельфин *nageant*⁷. Под гербом стоял судейский стол. Восседали за ним трое персон. Худой писарчук. Выцветший подьячий. И госпожа судья – дама, степенная статью и лицом.

Лавку одесную от судей занимал исполняющий обязанности обвинителя ассессор трибунала. Выглядел он серьезно. Достаточно серьезно, чтобы остерегаться встречи с ним на темной улочке.

На противоположной же стороне, слева от судейского состава, стояла лавка для обвиняемых. Место, ему предписанное.

Дальше пошло бойчей.

– Геральт, именуемый Геральтом из Ривии, по профессии – ведьмак, обвиняется в злоупотреблении, в завладении и присвоении средств, принадлежащих Короне. Действуя в сговоре с иными персонами, коих он коррумпировал, обвиняемый завысил размер выставленных за свои услуги счетов, намереваясь завладеть оными избытками. Что повлекло за собою траты из казны государства. Доказательством является донос, *notitia criminis*⁸, каковой обвинение прилагает к акту. Донос оный...

Скучающее выражение лица и отсутствующий взгляд судьи свидетельствовали, что степенная дама мыслями находится далеко. И что совершенно иные занимают ее вопросы и проблемы – стирка, дети, цвет занавесок, подходящее тесто для макового пирога и предвещавшие кризис счастливого супружества складки на ягодицах. Ведьмак смиренно принял тот факт, что сам он – куда менее важен. Что не конкурент подобным материям.

– Совершенное обвиняемым преступление, – продолжал без эмоций обвинитель, – не только рушит страну, но и порядок общественный расточает и подрывает. Правопорядок требует...

– Приложенный к акту донос, – прервала судья, – суду придется воспринимать как *probatio de relato*, доказательство со слов третьего лица. Может ли обвинение предоставить другие доказательства?

– Других нет... Пока что... Обвиняемый, как сказано, ведьмак. Это мутант, пребывающий вне людского сообщества, презирающий законы человеческие и ставящий себя над ними. В своей криминогенной и социопатической профессии он общается с преступными элементами, а также с нелюдьми, в том числе и с расами, человечеству традиционно враждебными. Нарушение закона – у ведьмака в самой его нигилистической природе. В случае ведьмака, Высокие Судьи, отсутствие доказательств – наилучшее доказательство... Доказывает коварство и...

⁶ От *lat. delinquens*, «правонарушитель» – человек, нарушающий правовые нормы.

⁷ Плывущий (*фр.*); голубой плывущий дельфин – один из типов геральдических фигур. – *Примеч. ред.*

⁸ Дословно – «извещение о преступлении» (*лат.*), то есть – именно что донос. В дальнейшем мы не даем перевод латыни там, где она тут же дублируется на русском (в оригинале – на польском), а также в тех случаях, когда смысл ясен из контекста. – *Примеч. ред.*

– А обвиняемый... – Судью, похоже, совершенно не интересовало, что еще доказывает отсутствие доказательств. – Обвиняемый признает ли свою вину?

– Не признаю. – Геральт не обратил внимания на отчаянные сигналы госпожи адвоката. – Я невиновен, не совершал никакого преступления.

Был у него определенный опыт, приходилось иметь дело с законниками. А еще он поверхностно ознакомился с соответствующей специальной литературой.

– Я обвиняем в результате предубеждения...

– Протестую! – крикнул ассессор. – Обвиняемый провозглашает речь!

– Отклоняю.

– ...в результате предубеждения относительно моей личности и профессии, то есть в результате *praeiudicium*, что наперед предполагает ложь. Кроме того, я обвиняюсь на основании анонимного доноса, вдобавок – единственного. *Testimonium unius non valet. Testis unus, testis nullus*⁹. Ergo, это не обвинение, но предположение, сиречь *praesumptio*. А предположение оставляет сомнения.

– *In dubio pro reo*¹⁰! – очнулась защитница. – *In dubio pro reo*, Высокий Суд!

– Суд, – судья грохнула молотком, пробудив выцветшего подьячего, – постановляет установить имущественный залог в размере пятиста новиградских крон.

Геральт вздохнул. Его интересовало, пришли ли оба его сотоварища по камере в себя и извлекли ли из произошедшего хоть какие-то уроки. Или же придется их бить и пинать сызнова.

А что такое город? Наш народ.

У. Шекспир
Кориолан¹¹

⁹ Единичное свидетельство – не в счет. Свидетельствует один – никто не свидетельствует (*лат.*).

¹⁰ При сомнении – воздержись (*лат.*).

¹¹ Пер. Ю. Корнеева.

Глава четвертая

На самом краю людного торжища стоял небрежно сколоченный из досок прилавок, обслуживаемый старушкой в соломенной шляпке – божьим одуванчиком, округлой и румяной, словно добрая фея из сказки. Над старушкой виднелась надпись: «Счастье и радость – только у меня. Огурец бесплатно». Геральт задержался, выудил из кармана медяки.

– Нацеди, бабка, полкварты счастья, – потребовал хмуρο.

Вдохнул поглубже, выпил махом, выдохнул. Вытер слезы, которые сивуха выжала у него из глаз.

Был он свободен. И зол.

О том, что свободен, как ни забавно, узнал он от персоны, ему известной. Внешне. Был это тот самый преждевременно облысевший юнец, которого на его глазах спустили со ступеней австении «Natura Regum». И который, как оказалось, служил трибунальским шелкопером.

– Ты свободен, – объявил ему лысеющий юнец, сплетая и расплетая худые, испятнанные чернилами пальцы. – Залог выплатили.

– Кто выплатил?

Информация оказалась конфиденциальной, лысеющий шелкопер отказался ее предоставить. Отказался также – и тоже наотрез – вернуть реквизированную сумку Геральта. Где содержались, кроме прочего, наличность и банковские чеки. Движимое имущество ведьмака, разъяснил он со злой ухмылочкой, было воспринято властью *cautio pro expensis*¹², в качестве взноса в счет судебных издержек и будущего наказания.

Ругаться было бесцельно и бессмысленно. Геральту следовало радоваться, что на выходе ему отдали хотя бы те вещи, которые при задержании находились у него в карманах. Личные безделушки и мелкие деньги. Настолько мелкие, что никому не захотелось их красть.

Он пересчитал оставшиеся медяки. И улыбнулся старушечке.

– И еще полкварты счастья, пожалуйста. За огурчик спасибо.

После бабкиной сивухи мир заметно похорошел. Геральт знал, что это ненадолго, а потому ускорил шаг. Оставалось уладить еще кое-что.

Плотва, его кобылка, счастливо избежала внимания суда и не вошла в список *cautio pro expensis*. Пребывала там, где он ее оставил, в конюшне, обихожанная и накормленная. Подобное ведьмак не мог оставить без награды, независимо от состояния собственного кармана. Из горсти серебряных монет, что уцелели во вшитом в седло тайничке, несколько сразу досталось конюху. У сердяги от оной щедрости аж дыханье сперло.

Горизонт над морем темнел. Геральту казалось, что он примечает там искорки молний.

¹² Во обеспечение расходов (лат.).

Перед входом в кордегардию он предусмотрительно набрал в грудь свежего воздуха. Не помогло. Госпожи стражницы, видно, употребили сегодня больше фасоли, чем обычно. Значительно, значительно больше. Как знать, может, нынче было воскресенье.

Одни – как обычно – ели. Другие играли в кости. Увидав его, поднялись из-за стола. И окружили Геральта.

– Гляньте-ка, ведьмак, – сказала комендант, стоя почти вплотную. – Взял и прилез.

– Я покидаю город. Пришел забрать свое имущество.

– Ежели мы позволим, – вторая стражница толкнула его локтем, словно бы случайно, – то что нам за это будет? Выкупить надобно, братка, выкупить. Верно ж, девки? Что мы прикажем ему сделать?

– А пусть каждую в голую задницу поцелует!

– И лизнет! Да поглубже!

– Да ну-у... Вдруг заразу какую занесет!

– Но ведь должен он нам, – еще одна наперла на него бюстом твердым, будто скала, – чонить приятное сделать, нет?

– Песенку пусть нам споет, – другая громко перднула. – А мелодию под этот мой тон подберет!

– Или под мой! – другая перднула еще сильнее. – Потому как мой погромче будет!

Остальные дамы аж за бока от смеха хватались.

Геральт прокладывал себе дорогу, пытаясь не переусердствовать с применением силы. В этот момент дверь склада депозитов распахнулась и на пороге появился милсдарь в бурой епанче и берете. Депозитарий, Гонсхорек, или как там его. Увидав ведьмака, раззявил широко рот.

– Вы? – выдавил. – Как же оно?... Ваши мечи...

– Именно что. Мои мечи. Попрошу их отдать.

– Ить... Ить... – Гонсхорек захлебнулся, хватаясь за грудь, с трудом сглатывая воздух. – Ить у меня ж тех мечей нет!

– Что-что?

– Нет... – лицо Гонсхорека покраснело. И искривилось, словно в пароксизме боли. – Их же забрали...

– Это как? – Геральт почувствовал, как охватывает его холодное бешенство.

– Забра... ли...

– Как это – «забрали»? – он ухватил депозитария за ворот. – Кто, сукин ты сын, их забрал? Что это, в душу мать, должно значить?

– Расписка...

– Вот именно! – Он почувствовал на плече железную хватку. Комендант стражи оттолкнула его от захлебывающегося Гонсхорека. – Именно! Расписку покажи!

Расписки у ведьмака не было. Расписка на хранение оружия осталась в его суме. Суме, реквизированной судом. Как взнос в счет судебных издержек и будущего наказания.

– Расписка!

– Нет. Но...

– Нет расписки, нет депозита, – не дала ему закончить комендант. – Мечи забрали, али не слышал? Сам же, должно быть, и забрал. А теперь яйцами тут бренчишь? Чего-нибудь у нас отжать хочешь? Не выйдет. Пшел прочь.

– Не уйду, пока...

Комендант, не разжимая хватки, оттащила Геральта и развернула его. Лицом к двери.

– Пошел нахер!

Геральт не бил женщин. Однако не испытывал ни малейших угрызений совести относительно особы, у которой плечи словно у борца, живот в виде рулета, а икры – как у дискобола,

и которая вдобавок пердела, словно мул. Он отпихнул коменданта и изо всех сил саданул в челюсть. Своим любимым правым крюком.

Остальные замерли, но лишь на миг. Еще до того, как комендант рухнула на стол, разбрызгивая вокруг фасоль и перечный соус, они надели на ведьмака. Одной он без раздумий расквасил нос, вторую ударил так, что щелкнули зубы. Двух угостил знаком Аард, те словно куклы полетели на стойку с алебардами, завалив их все с неописуемым лязгом и грохотом.

Сам же он получил в ухо от их измазанной соусом предводительницы. Другая стражница, та, с твердым бюстом, облапила его сзади по-медвежьи. Саданул локтем – та аж взвыла. Комендант он толкнул на стол, приласкал размашистым крюком. Ту, с расквашенным носом, рубанул в солнечное сплетение и повалил на землю, услышал, как ее стошнило. Еще одна, получив в висок, ударила стриженым затылком о столб, обмякла, глаза ее моментально затянуло поволокой.

Но на ногах оставались еще четверо. И его преимуществу пришел конец. Он получил по затылку и сразу же в ухо. А потом по хребту. Кто-то из них подсек ему ноги, двое навалились сверху, придавили, работая кулаками. Оставшиеся не жалели пинков.

Ударом головой в лицо ведьмак вырубил одну из прижимавших его, но сразу же навалилась следующая. Комендант, как определил Геральт по капающему соусу. Ударом сверху она добавила ему в зубы. Он плюнул ей кровью прямо в лицо.

– Нож! – орала она, трясая стриженной головой. – Дайте мне нож! Яйца ему отрежу!

– Зачем нож? – крикнула другая. – Я их ему отгрызу!

– Стоять! Смирно! Что здесь происходит? Смирно, я сказал!

Оглушительный и призывающий к послушанию голос прорвался сквозь гром сражения, уняв стражниц. Они выпустили Геральта из объятий. Он встал – с трудом, преодолевая боль. Вид поля боя несколько улучшил его настроение. Не без удовольствия он оглядывал свои достижения. Лежавшая под стеной стражница уже открыла глаза, но не спешила возвращаться в вертикальное положение. Вторая, согнувшись, сплевывала кровью и ощупывала пальцами свои зубы. Третья, та, с расквашенным носом, пыталась подняться, но то и дело падала, оскальзываясь в луже собственной фасолевой блевотины. Из всей шестерки на ногах пребывала лишь половина. Поэтому результат его устраивал. Даже с учетом того факта, что когда б не вмешательство, сам ведьмак получил бы серьезные травмы и не факт, что сумел бы уйти на своих двоих.

Между тем, вмешавшимся оказался прилично одетый и лучившийся авторитетом мужчина с благородными чертами. Геральт не знал, кто это. Зато прекрасно знал его спутника. Красавчика в изысканной шапочке, с приколотым к ней пером белой цапли, с блондинистыми локонами до плеч, завитыми с помощью щипцов. Того, кто носил дублет цвета красного вина и рубаху с кружевным жабо. С неизменной лютней и неизменной же наглой ухмылкой на губах.

– Привет, ведьмак! Ну и вид у тебя! С эдакой-то расквашенной рожей! Со смеху лопнуть!

– Привет, Лютик! Я тоже рад тебя видеть.

– Что здесь происходит? – Мужчина с благородными чертами упер руки в бока. – Ну? Что с вами? Доложить по уставу! Немедленно!

– Это тот вон! – Комендант вытряхнула из ушей остатки соуса и обвиняюще указала на Геральта. – Он виноват, вельможный господин инстигатор! Скандалил и кричал, а потом в драку кинулся. А все из-за мечей каких-то из депозита, на которые он и расписки-то не имел. Гонсхорек подтвердит... Эй, Гонсхорек, чего ты там в углу сидишь? Обосрался, что ли? Шевели задницей, встань, скажи вельможному господину инстигатору... Эй! Гонсхорек! Да что с тобой?

Довольно было взглянуть повнимательней, чтобы уразуметь, что с Гонсхореком. Не требовалось даже проверять пульс, достаточно было увидеть его белое, словно мел, лицо. Гонсхорек был мертв. Просто-напросто мертв.

* * *

– Мы проведем следствие, господин из Ривии, – сказал Ферран де Леттенхоф, инстигатор королевского трибунала. – Ежели подашь официальную жалобу, мы будем обязаны ее расследовать, так гласит закон. Возьмем на допрос всех, кто во время ареста и суда имел доступ к твоим вещам. Арестуем подозреваемых...

– Тех, кого обычно?

– Прошу прощения?

– Ничего, ничего.

– Ну вот. Дело наверняка прояснится, а виновные в краже мечей будут привлечены к ответственности. Если и вправду кража случилась. Ручаюсь, что мы решим загадку и извлечем истину на поверхность. Раньше или позже.

– Я предпочел бы раньше, – ведьмаку не слишком нравился тон инстигатора. – Мои мечи – это моя жизнь, я не могу без них выполнять свою работу. Знаю: многие считают мою профессию злом, а личность моя воспринимается в негативных тонах. Что проистекает из предрассудков, предубеждений и ксенофобии. Я надеюсь, этот факт не окажет влияния на следствие.

– Не окажет, – сухо ответил Ферран де Леттенхоф. – Поскольку главенствует здесь закон.

Когда челядь вынесла тело почившего в бозе Гонсхорека, по приказу инстигатора устроили ревизию склада оружия и всего здания. Как легко было догадаться, от мечей ведьмака не осталось и следа. А все еще дувшаяся на Геральта комендант продемонстрировала им подставку с шипом, на который покойник надевал погашенные депозитные расписки. Среди них вскоре нашлась и расписка ведьмака. Комендант прошерстила реестр, чтобы через минутку сунуть им его под нос.

– Прошу, – ткнула с триумфом пальцем, – все путём, отметка об изъятии. Подпись: Герланд из Рыбли. Я ведь говорила, что ведьмак здесь был и сам свои мечи забрал. А теперь наверняка скандалит, чтобы возмещение выбить! Из-за него Гонсхорек копыта отбросил! От сокрушения желчь его залила – и капец парняге.

Но ни она, ни кто другой из стражниц не решились притом засвидетельствовать, будто они на самом деле видели Геральта, когда тот якобы забирал оружие. Да тут постоянно кто-то крутился, объясняли, а они были заняты, потому как ели.

Над крышей здания суда кружили, отчаянно вопя, чайки. Ветер унес грозовое облако с моря к югу. Выглянуло солнце.

– Я хотел бы заранее предупредить, – сказал Геральт, – что мечи мои наделены сильными чарами. Только ведьмаки могут к ним прикасаться, у других же они отбирают витальную силу. Проявляется сие в упадке мужской силы. То есть в половой слабости. Абсолютной и необратимой.

– Мы это учтем, – кивнул инстигатор. – Однако я просил бы вас пока не покидать город. Я склонен не обращать внимания на скандал в кордегардии, поскольку до скандалов там доходит постоянно, госпожи стражницы слишком легко поддаются эмоциям. А поскольку Юлиан... В смысле – господин Лютик... поскольку он готов поручиться за вас, я уверен, и ваше дело в суде разрешится благоприятно.

– Мое дело, – прищурился ведьмак, – не более чем преследование. Травля, взросшая на предубеждениях и антипатии...

– Доказательства будут тщательно рассмотрены, – отрезал инстигатор. – И на их основании будут предприняты определенные действия. Так гласит закон. Тот самый, благодаря которому вы остаетесь на свободе. На поруках, а потому – условно. И вы, господин из Ривии, должны придерживаться этих условностей.

– Кто внес за меня задаток?

Ферран де Леттенхоф отказался раскрыть инкогнито ведьмачьего доброжелателя, холодно попрощался и в сопровождении челяди направился к выходу из суда. Лютик только этого и ждал. Едва они покинули рынок и вошли в переулок, он выложил все, что знал.

– Воистину череда несчастливых совпадений, дружище Геральт. И злополучных инцидентов. А ежели речь о залоге, то внесла его за тебя некая Литта Нейд, среди своих известная как Коралл, по цвету помады для губ, которую она использует. Это чародейка, она прислуживает Белогуну, здешнему корольку. Все ломают голову, зачем она это сделала. Потому как никто иной, как именно она же и отправила тебя за решетку.

– Что-о?

– Говорю же! Именно Коралл на тебя донесла. И это как раз никого не удивило, повсеместно известно, что у чародеев на тебя зуб. А тут вдруг сенсация: чародейка ни с того ни с сего выплачивает поручительство и вытаскивает тебя из узилища, куда ее же стараниями тебя и кинули. Весь город...

– «Повсеместно»? «Весь город»? Что ты выдумываешь, Лютик?

– Я использую метафоры и перифразы. Не делай вид, что не понимаешь, ты ведь меня знаешь. Конечно, не «весь город», а исключительно хорошо информированные люди, пребывающие близ правительственных кругов.

– И ты, стало быть, тоже вроде как пребывающий?..

– Угадал. Ферран – мой кузен, сын брата моего отца. Я тут наведалься к нему с визитом, по-родственному. И узнал о твоих проблемах. Я сразу же за тебя горой встал, в этом-то ты, надеюсь, не сомневаешься. Ручался ему насчет твоей честности. Вспомнил Йеннефер...

– Благодарю сердечно.

– Оставь свой сарказм. Я должен был о ней рассказать, чтобы кузен уразумел, что тутошняя магичка обвиняет и очерняет тебя из зависти и ревности. Что все обвинения – ложные, что ты никогда не унижаешься до финансовых махинаций. В результате моего заступничества Ферран де Леттенхоф, королевский инстигатор, высший по рангу экзекутор закона, уже убежден в твоей невинности...

– Мне так не показалось, – заявил Геральт. – Напротив. Чувствовалось, что он мне не доверяет. Ни в деле оных злоупотреблений, ни в деле исчезновения мечей. Слышал, что он говорил о доказательствах? Доказательства для него – фетиш. Значит, доказательством махинаций станет донос, а доказательством мистификации с кражей мечей – подпись Герланда из Рыбли в реестре. К тому же – это его выражение лица, когда он просил меня не покидать город...

– Ты к нему несправедлив, – ответил Лютик. – Я знаю его лучше твоего. То, что я за тебя вступаю, для него значит больше дюжины дутых доказательств. А просил он совершенно уместно. Отчего, как думаешь, оба, он и я, направились в кордегардию? Чтобы удержать тебя от глупостей! Некто, говоришь, клеветает на тебя, фабрикует фальшивые доказательства? Так не давай этому нектору в руки неопровержимых доказательств! А таким было бы бегство.

– Может, ты и прав, – согласился Геральт. – Но инстинкт подсказывает мне кое-что иное. Мне следует драпать, прежде чем меня здесь окончательно втянут в ловушку. Сперва камера, потом залог, теперь еще и мечи... Что дальше? Проклятие, да я без меча чувствую себя как... Как улитка без раковины.

– Слишком уж ты принимаешь все близко к сердцу, как мне думается. В конце концов, мало ли здесь лавок? Махни рукою на те мечи да купи себе другие.

– А если бы украли твою лютню? Добытую, помнится, при довольно драматических обстоятельствах? Ты разве не принял бы это близко к сердцу? Махнул бы рукою? И пошел покупать себе другую в лавке за углом?

Лютик непроизвольно сжал руки на лютне и боязливо стрельнул глазами по сторонам. Никто из прохожих, однако, не походил на потенциального похитителя инструментов и нездорового интереса к его уникальной лютне не выказывал.

– Ну да, – выдохнул он. – Верно. Подобно моей лютне, твои мечи – единственны в своем роде и незаменимы. К тому же... как ты там сказал? Закляты? Вызывают магическую импотенцию... Зараза, Геральт! И ты говоришь мне об этом только теперь? Я ведь частенько бывал в твоей компании, а от этих мечей – на расстоянии вытянутой руки! А то и ближе! Теперь то мне все ясно, все-то я понимаю... В последнее время, пес его дерь, бывали у меня определенные трудности...

– Успокойся. Насчет импотенции я слегка присочинил. Придумал это на ходу, рассчитывая, что разойдется слух. Что вор испугается...

– Коли испугается, то утопит мечи во гноище, – трезво констатировал бард, все еще слегка бледный. – И ты никогда их не найдешь. Лучше положишься на моего кузена Феррана. Он тут инстингатор долгие годы, у него целая армия шерифов, агентов и шпииков. Мигом сыщут преступников, вот увидишь.

– Если воры еще здесь, – заскрежетал зубами ведьмак. – Могли ведь дать дёру, когда я сидел в холодной. Как, ты говорил, зовут ту чародейку, благодаря которой я туда попал?

– Литта Нейд, прозвище Коралл. Я догадываюсь, что ты хочешь сделать, дружище. Но не знаю, хорошая ли это идея. Все-таки – чародейка. Чародейка и женщина в одном лице, словом, иной вид, рациональному пониманию не поддающийся, функционирующий по неясным для простых мужчин законам и принципам. Да что я тебе рассказываю, ты и сам все прекрасно знаешь. У тебя ведь богатейший опыт... Что это за шум?

Бесцельно слоняясь по улицам, они оказались неподалеку от небольшой площади, над которой разносился все заглушающий, нестихаемый стук молотков. Как выяснилось, трудилась здесь внушительная бочарная артель. У самой улицы, под навесом, громоздились ровные штабеля высушиваемых клепок. Перенесенные отсюда босыми подростками, клепки оказывались на столах, где их прилаживали в специальные упоры и обрабатывали скобелями. Обработанные клепки отправлялись к следующим ремесленникам, те отделявали их на длинных строгальных лавках, стоя над ними враскоряку, по щиколотку в стружке. Готовые клепки попадали в руки бондарей, которые и соединяли их в одно целое. Геральт некоторое время приглядывался, как под давлением хитроумных тисков и скручиваемых болтами стяжек возникает абрис бочки, укрепляемой после с помощью набитых на изделие железных обручей. Аж на улицу выплескивался пар из больших котлов, в которых бочки парили. Из глубин мастерской, с подворья, долетал запах прокаливаемого в огне дерева – там бочки закаляли перед дальнейшей обработкой.

– Как ни увижу бочку, – заявил Лютик, – так и тянет меня на пиво. Пойдем-ка за угол. Знаю одну симпатичную корчму.

– Иди сам. Я проведу волшебницу. Сдается, я знаю, кто она, я уже ее видел. Где ее найти? Не делай такого лица, Лютик. Это она, полагаю, исток и первопричина моих проблем. Я не стану ждать развития событий, пойду и спрошу прямо. Не могу я здесь, в этом городке торчать. Хотя бы потому, что с деньгами у меня, знаешь ли, туговато.

– На это, – гордо произнес трубадур, – ремедиум мы отыщем. Я помогу тебе финансово... Геральт? Что происходит?

– Вернись к бондарям и принеси мне клепку.

– Что?

– Принеси мне клепку. Быстро.

Улочку загородили три мощных дуболома с погаными, небритыми и немытыми мордами. Один, плечистый настолько, что казался почти квадратным, держал в руке окованную дубину

толщиной с вымбовку кабестана¹³. Второй, в кожухе шерстью наружу, нес тесак, а за поясом торчал у него абордажный топорик. Третий, загорелый, словно мореход, вооружен был длинным и прмерзко выглядевшим ножом.

– Эй ты, ривийская вонючка! – начал тот, квадратный. – Как себя чувствуешь без мечей за спиной? Словно с голым задом на ветру, да?

Геральт не поддержал беседу. Ждал. Слышал, как Лютик спорит с бондарями насчет клепки.

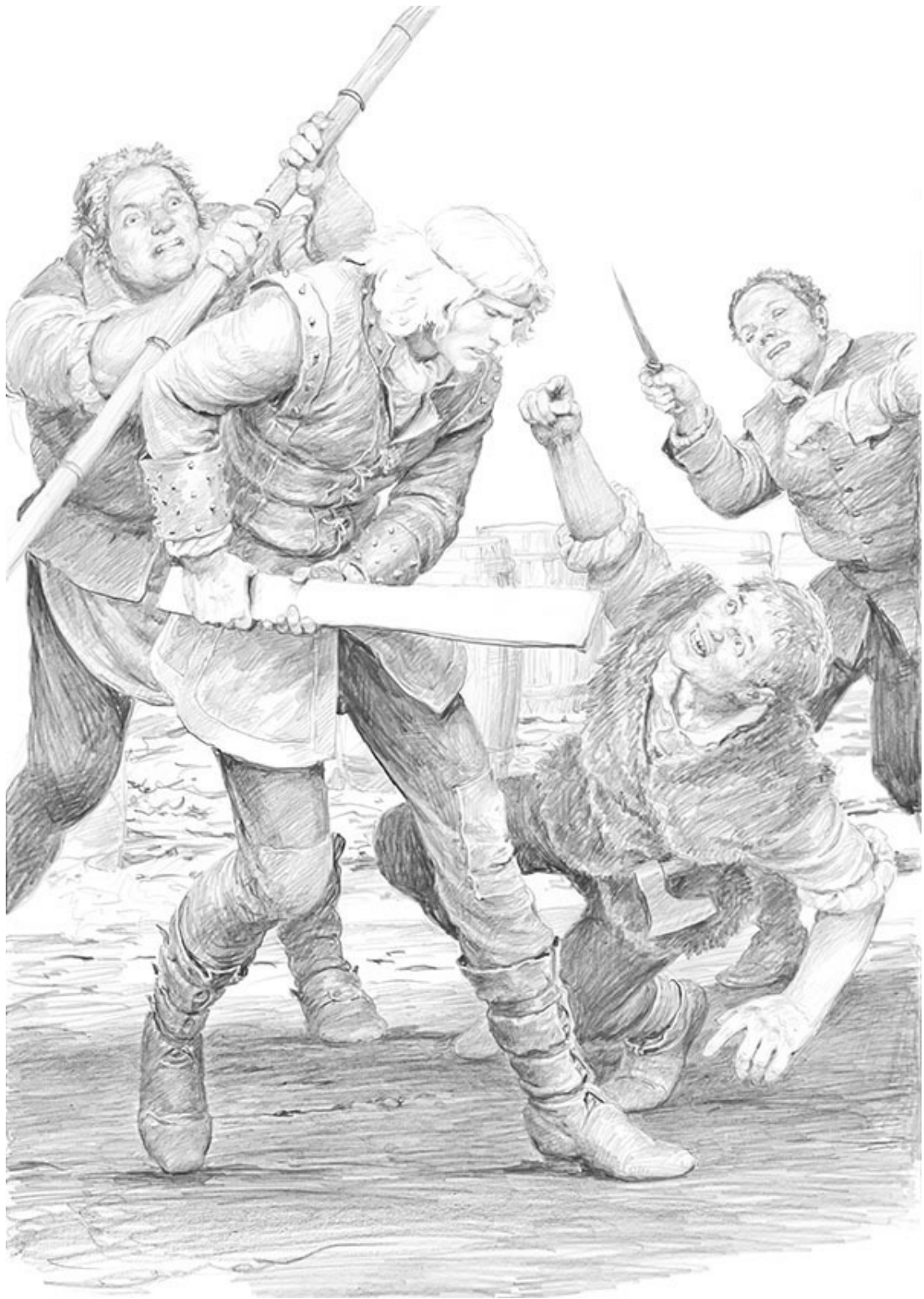
– Нет уже у тебя клыков, выродок, ядовитая ты ведьмачья гадина, – продолжал квадратный, из всей тройки, видно, самый поднаторевший в ораторском искусстве. – А гадину без клыков никто не заботится! Потому как теперича она – навроде червяка или какой иной миноги глистовой. Мы такую мерзость под каблук берем и вдребезги давим. Чтoб не смела больше в города наши заходить, меж честных людей. Не станешь, падаль, наших улиц своей слизью пачкать! Бей его, братки!

– Геральт! Лови!

Он на лету подхватил брошенную клепку, увернулся от удара палкой, жажнул квадратного в голову, крутанулся, стукнул головореза в кожухе по локтю, головорез заорал и выпустил тесак. Ведьмак ударил его в сгиб колена и свалил, после чего скользнул мимо и шваркнул клепкой по виску. Не дожидаясь, пока головорез упадет, и не прерывая движения, снова вывернулся из-под палки квадратного, рубанул его по пальцам, сжимавшим дубье. Квадратный зарычал от боли и палку выпустил, а Геральт опять ударил его в ухо, потом по ребрам и в другое ухо. А потом пнул в пах, с размаху. Квадратный рухнул и сделался шарообразен, сворачиваясь, корчась и тычась лбом в землю.

Загорелый, самый быстрый и увертливый из троицы, затанцевал вокруг ведьмака. Умело перебрасывая нож из руки в руку, атаковал на полусогнутых, рубя накрест. Геральт легко избегал ударов, отступал, ждал, пока тот шагнет слишком широко. А когда это случилось, размашистым ударом клепки отбил нож, пируэтом обошел нападавшего и приложил его по затылку. Поножовщик упал на колени, а ведьмак жажнул его в правую почку. Жахнутый завыл и выгнулся, и тогда ведьмак хряпнул его пониже уха, в нерв. Известный медикам как приушное сплетение.

¹³ От *нидерл.* windboom, от winden – «навивать» и boom – «дерево»: выемный рычаг, служащий для поворота кабестана, стоячего ворота для подъема и спуска якоря.

– Ой-ёй, – сказал Геральт, стоя над вьющимся, хрипящим и задыхающимся от крика морячком. – Это, наверное, больно.

Головорез в кожане вытянул из-за пояса топорик, однако не поднимался с коленей, не зная, что делать. Ведьмак развеял его сомнения, ударив клепкой по спине.

Улочкой, расталкивая толпившихся зевак, бежали челядники из городской стражи. Лютик утихомиривал их, ссылаясь на знакомства, горячо толковал, кто был напавшим, а кто действовал в пределах самообороны. Ведьмак жестом подозвал барда.

– Проследи, – сказал, – возьмут ли мерзавцев под стражу. Повлияй на кузена-инстингатора, чтобы их покрепче прижал. Они или сами имели отношение к покраже мечей, или же кто-то их нанял. Они знали, что я безоружен, поэтому отважились напасть. Клепку отдай бондарям.

– Мне эту клепку пришлось купить, – признался Лютик. – И пожалуй, я хорошо сделал. Как вижу, досочкой ты владеешь неплохо. Носить бы тебе ее постоянно.

– Я собрался к чародейке. Нанести визит. Мне что, идти с клепкой?

– Для чародейки, – скривился Лютик, – пригодилось бы что потяжелее, факт. Например, дубина. Один мой знакомый философ говаривал: идя к женщине, не забудь взять с собой...

– Лютик.

– Хорошо-хорошо, я объясню тебе, как попасть к магичке. Но сперва, если позволено мне будет присоветовать...

– Ну?

– Наведайся в баню. И нанеси визит цирюльнику.

Берегись разочарований, ибо внешность обманчива. Такими, какими они кажутся, вещи являются редко. А женщины – никогда.

Лютик

Полвека поэзии

Глава пятая

Вода в бассейне фонтана забурлила и вскипела, разбрызгивая золотистые капельки. Литта Нейд, по прозвищу Коралл, вытянув руку, изрекла стабилизирующее заклинание. Вода сделалась гладкой, словно политой маслом, заиграла всполохами. Образ, сперва неясственный и туманный, обрел резкость, перестал колебаться и, пусть несколько искаженный движением воды, сделался вскоре отчетлив и понятен. Коралл наклонилась. Видела в воде Пряные ряды, главную улицу города. И шагавшего по улице беловолосого мужчину. Волшебница всматривалась. Наблюдала. Искала указаний. Каких-то подробностей. Деталей, которые позволили бы ей все оценить. И позволили бы предвидеть, что произойдет.

Насчет того, чем является настоящий мужчина, у Литты имелось устоявшееся мнение, сформированное годами опыта. Она сумела бы распознать настоящего мужчину в стаде более или менее удачных его имитаций. И по крайней мере ей не приходилось прибегать для этого к прямому физическому контакту, каковой метод проверки мужественности, к слову сказать, она, как и большинство чародеек, полагала не только тривиальным, но и вдобавок неточным и сбивающим с толку. Как она удостоверилась в ходе многочисленных экспериментов, непосредственная дегустация, может, и является некой проверкой вкуса, однако послевкусие слишком уж часто оставляет дурное. И еще несварение. И изжогу. А случается, что и блевоту.

Литта умела распознавать настоящего мужчину даже на расстоянии, основываясь на малых и внешне неприметных признаках. Настоящий мужчина, уяснила чародейка, увлекается рыбалкой, но исключительно на мушку. Коллекционирует солдатиков, эротические рисунки и собственноручно изготовленные модели парусников в бутылках, а уж пустых бутылок от дорогих напитков в его доме хватает всегда. Он умеет хорошо готовить, ему удаются истинные шедевры кулинарного искусства. Ну и, говоря в целом, самый вид его уже пробуждает желание.

Ведьмак Геральт, о котором чародейка так много слыхала, о котором она собрала столько информации и которого, собственно, как раз наблюдала в воде бассейна, соответствовал, похоже, только одному из оных критериев.

– Мозаика!

– Я здесь, госпожа наставница.

– У нас ожидается гость. Чтобы все было готово – и на уровне. Но сперва принеси мне платье.

– Чайную розу? Или морскую воду?

– Белое. Он носит черное, так представим ему *инь* и *ян*. И туфельки, выбери что-нибудь под цвет, лишь бы каблук в четыре пальца. Не могу ему позволить смотреть на меня слишком уж свысока.

– Госпожа наставница... Это белое платье...

– Ну?

– Оно такое...

– Скромное? Без украшений и мишуры? Эх, Мозаика, Мозаика. Ты что же, никогда не научишься?

* * *

В дверях его молча приветствовал дородный и пузатый крепыш со сломанным носом и глазами маленькой свинки. Оглядел Геральта с ног до головы и еще раз, обратно. После чего отодвинулся, давая знак, что можно входить.

В сенях ждала девушка с гладко причесанными, почти прилизанными волосами. Без слова, одним лишь жестом, пригласила внутрь.

Он вошел – прямиком в украшенное цветами патио с журчавшим фонтаном посредине. В центре фонтана стояла небольшая мраморная статуя, изображавшая нагую танцующую девушку или даже скорее девочку, если принять во внимание слабо развитые вторичные половые признаки. Кроме того, что выдавала резец мастера, статуя обращала на себя внимание еще одной деталью – соединялась она с цоколем в одной-единственной точке: большим пальцем стопы. Никким образом, оценил ведьмак, невозможно было бы стабилизировать подобную конструкцию без помощи магии.

– Геральт из Ривии. Приветствую. И – прошу.

Для того чтобы сойти за классическую красавицу, у чародейки Литты Нейд были слишком резкие черты. Розовый в оттенке теплого персика, коим тронуты были ее скулы, резкость эту сглаживал, но не скрывал. Подчеркнутые же коралловой помадой губы обладали абрисом настолько безупречным, что казались ненатуральными. Но главное даже не это.

Литта Нейд была рыжей. Рыжей классически и природно. Тонированная, светло-ржавая рыжина ее волос пробуждала мысли о летнем лисьем мехе. Если поймать рыжую лису и посадить ее подле Литты, обе – Геральт был в этом совершенно уверен – оказались бы одной, неотличимой масти. А когда чародейка поводила головой, посреди густо-красного зажигались оттенки более светлые, желтоватые, как и в лисьей шерсти. Подобного рода рыжину сопровождали обычно веснушки, и как правило – в изрядном количестве. Однако их-то как раз у Литты видно не было.

Геральт почувствовал беспокойство, позабытое и дремавшее, но вдруг пробудившееся где-то внутри. Была у него, ведьмака, странная и необъяснимая тяга к рыжеволосым, и пару раз именно подобная пигментация волос толкала его на совершение глупостей. Потому надлежало остерегаться, ведьмак решил это для себя крепко-накрепко. Впрочем, задача его облегчалась. Как раз истекал год с тех пор, как подобные глупости перестали его искушать.

Эротически стимулирующая рыжина оказалась не единственным соблазнительным атрибутом чародейки. Снежно-белое платье было скромным, без эффектности, но и оно имело определенную цель – цель продуманную и, несомненно, преднамеренную. Скромность покроя не рассеивала внимание глядящего, концентрируя его на соблазнительной фигуре.

И на глубоком декольте. Коротко говоря, в «Хорошей книге» пророка Лебеды, в издании иллюстрированном, Литта Нейд наверняка могла бы позировать для гравюры, открывающей раздел «О нечистом вожделении».

Говоря еще короче, Литта Нейд была женщиной, с которой лишь абсолютный идиот пожелал бы связываться более чем на пару суток. Забавно же то, что именно подле таких женщин обычно увивались стаи мужчин, склонных связываться с ними куда как на более длительный срок.

Пахла она фрезией и абрикосом.

Геральт поклонился, после чего сделал вид, что больше фигуры и декольте чародейки интересует его скульптура на фонтане.

– Прошу, – повторила Литта, указав на стол с малахитовой столешницей и двумя плетеными креслами. Подождала, пока гость усядется, сама же, устраиваясь, похвасталасьстройной лодыжкой и туфельками из кожи ящерицы.

Ведьмак сделал вид, что все внимание его поглощено графинами да мисками с фруктами.

– Вина? Это нурагус из Туссента, как по мне, оно куда интереснее хваленоегэст-эста. Есть еще коте-де-блессюр, если предпочитаешь красное. Налей нам, Мозаика.

– Благодарю. – Он принял от прилизанной девушки бокал, улыбнулся ей. – Мозаика. Красивое имя.

Заметил в девичьих глазах испуг.

Литта Нейд поставила бокал на стол. Со стуком, который должен был привлечь его внимание.

– И что же, – качнула она головой и рыжими локонами, – привело славного Геральта из Ривии в мое скромное жилище? Умираю от любопытства.

– Ты уплатила за меня залог, – сказал он как можно суше. – Поручительство, стало быть. Благодаря твоей щедрости я вышел из тюрьмы. В каковую попал тоже благодаря тебе. Верно? Это твоими стараниями я провел в камере неделю?

– Четыре дня.

– Четверо суток. И я хотел бы, если возможно, узнать причины, которыми ты руководствовалась. Обе.

– Обе? – она приподняла брови и бокал. – Есть только одна. Одна и та же.

– Ага, – он сделал вид, что все внимание посвящает Мозаике, хлопотавшей по ту сторону патио. – По одной и той же причине ты на меня донесла и засадила в холодную – и из холодной позже вызволила?

– Браво.

– Тогда спрошу: зачем?

– Чтобы доказать тебе, что – могу.

Он отпил глоток вина. Вино и вправду оказалось хорошим.

– Доказала, что можешь, – кивнул он. – На самом деле, ты могла бы сказать мне об этом попросту, встретив на улице. Я бы поверил. Но ты предпочла сделать иначе и доходчивей. Потому спрошу: что дальше?

– Я и сама над этим задумываюсь, – она хищно взглянула на него из-под ресниц. – Но предоставим событиям течь своим чередом. Пока скажем так: я действую от имени и по поручению нескольких моих собратьев. Чародеев, у которых относительно тебя есть определенные планы. Оные чародеи, которым известны мои дипломатические таланты, посчитали меня подходящей персоной, дабы проинформировать тебя об их планах. На сегодняшний день это все, что я могу тебе открыть.

– Маловато.

– Ты прав. Но пока, стыдно признать, я сама знаю не больше, поскольку не надеялась, что ты объявишься столь быстро и что столь же быстро раскроешь, кто выплатил поручительство. Ибо это, как меня уверили, должно было остаться тайной. Когда я буду знать больше, я больше и открою. Будь терпелив.

– А что насчет моих мечей? Это элемент игры? Тех таинственных чародейских планов? Или тоже доказательство того, что – можешь?

– Я ничего не знаю о твоих мечях, что бы это ни значило и чего бы ни касалось.

Он поверил не до конца. Но дожимать не стал.

– Твои собратья чародеи, – сказал, – в последнее время соревнуются друг с другом в том, чтобы выказать мне антипатию и враждебность. Из шкуры выпрыгивают, чтоб навре-

дить и затруднить жизнь. В любом дурном приключении, с каким сталкиваюсь, я готов искать отпечатки их жирных пальчиков. Череды несчастливых совпадений. Меня ввергают в тюрьму, потом выпускают, затем сообщают, будто у них есть насчет меня планы. И что твои собратья выдумали на этот раз? Боюсь даже предположить. Ты же весьма, признаюсь, дипломатично приказываешь мне быть терпеливым. Но ведь у меня и выбора нет. Я должен ждать, пока начатое по твоему доносу дело попадет на рассмотрение в суд.

– Однако тем временем, – улыбнулась чародейка, – ты можешь в полной мере наслаждаться свободой и ее благами. Перед судом предстанешь свободным человеком. Если дело вообще дойдет до рассмотрения, в чем я сильно сомневаюсь. А даже если и так, то у тебя, поверь, нет причин для переживаний. Доверься мне.

– С доверием, – парировал он с улыбкой, – может оказаться непросто. Начинания твоих собратьев в последнее время мое доверие крепко поколебали. Но я постараюсь. А пока что – пойду себе. Чтобы довериться и терпеливо ждать. Кланяюсь.

– Не кланяйся пока. Еще минутку. Мозаика, вина.

Она переменила позу. Ведьмак продолжал упорно делать вид, что не замечает колена и бедра, открывшихся в разрезе платья.

– Что ж, – сказала она через пару минут, – нечего нам ходить вокруг да около. Ведьмаков никогда не любили в нашем сообществе, но нам достаточно было вас игнорировать. И так продолжалось до определенного момента.

– До того момента, – ему надоели увертки, – когда я связался с Йеннефер.

– А вот и нет, ошибаешься, – она вонзила в него взор жадеитовых глаз. – Причем вдвойне. *Primo*, это не ты связался с Йеннефер, а она с тобой. *Secundo*, эта связь мало кого взбудоражила, и не такие экстравагантности среди нас случались. Поворотной точкой было ваше расставание. Когда же это произошло? Год тому? Ах, как быстро летит время...

Она сделала эффектную паузу, рассчитывая на его реакцию.

– Ровно год назад, – продолжила, когда стало ясно, что реакции не будет. – Часть сообщества... не слишком большая, но влиятельная... предпочла тогда тебя заметить. Не всем было ясно, что там, собственно, между вами произошло. Кое-кто из нас думал, что это Йеннефер, придя в себя, порвала с тобой и выгнала взашей. Другие отважились предполагать, что это ты, прозрев, бортанул Йеннефер и сбежал, куда и ворон костей не заносил. В результате, как я уже упоминала, ты сделался объектом интереса. А вместе с тем, как верно заметил, и антипатии. Да что там, нашлись даже те, кто хотел тебя как-то наказать. К счастью для тебя, большинство решило, что овчинка выделки не стоит.

– А ты? К какой части сообщества принадлежала ты?

– К той, – Литта скривила коралловые губки, – которую твоя любовная афера, представь себе, чрезвычайно увлекала. Порой – смешила. Порой предоставляла воистину азартное развлечение. Лично я тебе, ведьмак, благодарна за изрядный куш. Бились об заклад, насколько долго ты выдержишь с Йеннефер, ставки были высоки. Я побилась, как оказалось, точнее прочих. И сорвала банк.

– В таком случае лучше будет, если я пойду себе. Мне не следует к тебе приходить, нас не должны видеть вместе. Могут подумать, что мы сговорились насчет того спора.

– А тебе есть дело до того, что они могут подумать?

– Совсем немного. А твоя победа меня радует. Я думал возратить тебе пятьсот крон, потраченных в счет поручительства. Но если уж ты, ставя на меня, сорвала банк, я не чувствую себя должником. Будем считать, что мы в расчете.

– Упоминание о возврате залога, – в зеленых глазах Литты Нейд появился злой блеск, – не означает, надеюсь, намерения удрать и исчезнуть? Не дожидаясь судебного решения? Нет-нет, у тебя нет подобного намерения – и быть не может. Ты ведь прекрасно знаешь, что таковое намерение снова приведет тебя в холодную. Знаешь, правда?

– Тебе нет нужды доказывать, что ты – можешь.

– Я предпочла бы не делать этого, говорю со всей искренностью.

Она положила руку на декольте, в очевидной попытке привлечь его взгляд. Он сделал вид, что не заметил, снова стрельнув глазами в сторону Мозаики. Литта откашлялась.

– По поводу же расчета или раздела выигранного в споре, – сказала она. – Ты прав. Твоя доля там есть. Я не отважусь предложить тебе деньги... Но что ты скажешь насчет неограниченного кредита в «Natura Regum»? На все время твоего пребывания здесь? По моей вине твой предыдущий визит в австерию закончился, не начавшись, а потому...

– Нет, спасибо. Однако я оценил желания и намерения. Но спасибо, нет.

– Уверен? Что ж, должно быть, уверен. Я некстати вспомнила... о холодной. Ты меня спровоцировал. И заморочил. Твои глаза, эти странные мутировавшие глаза, такие, казалось бы, искренние, – непрестанно обманывают... И морочат. Ты не искренен, о, нет! Знаю-знаю, в устах чародейки это комплимент. Ты ведь именно это хотел сказать, верно?

– Браво.

– А тебя хватило бы на искренность? Попроси я о таковой?

– Если бы ты об этом попросила.

– Ах. Пусть так и будет. Я тебя прошу. Что привело к тому, что – именно Йеннефер? Что она, а не какая другая? Сумел бы ты это описать? Назвать?

– Если это новый предмет спора...

– Это не предмет спора. Почему именно Йеннефер из Венгерберга?

Мозаика появилась, будто тень. С новым графинчиком. И пирожными. Геральт заглянул ей в глаза. Она тотчас отвернулась.

– Почему Йеннефер? – повторил он, всматриваясь в Мозаику. – Почему именно она? Отвечу искренне: сам не знаю. Есть такие женщины... Хватает одного взгляда...

Мозаика открыла рот, легонько качнула головой. Отрицательно и со страхом. Она знала. И молила, чтобы он перестал. Но он уже слишком далеко зашел в игре.

– Есть женщины, – он продолжал блуждать взглядом по фигуре девушки, – которые притягивают. Словно магнит. От которых невозможно оторвать глаз...

– Оставь нас, Мозаика, – в голосе Литты звучал скрежет льда, трущегося о железо. – А тебя, Геральт из Ривии, я благодарю. За визит. За терпение. И за искренность.

Меч ведьмачий (см. рис. 40) тем отличен, что является как бы комплектом прочих мечей, пятой эссенцией¹⁴ того, что в другом оружьи – наилучшее. Превосходная сталь и способковки, краснолюдским заводам и кузницам свойственные, придают клинку легкость, но и пружинистость чрезвычайную. Заточиваем ведьмачий меч такоже краснолюдским способом, способом, добавим, тайным – и тайным пребудет он навеки, ибо горные карлы к секретам своим куда как ревнивы. Мечом же, наточенным краснолюдами, подброшенный в воздух шелковый платок надвое рассечь можно. Такие же штучки, ведомо это нам из донесений непосредственных свидетелей, мечами своими могли совершать и ведьмаки.

Пандольфо Фортегуэрра

Трактат о благородном оружьи

¹⁴ То бишь – квинтэссенцией. В данной цитате из древнего трактата Фортегуэрра (а также автор), безусловно, отсылает нас к исходному, алхимическому смыслу латинского выражения «quinta essentia». – *Примеч. ред.*

Глава шестая

Короткая утренняя гроза и дождь ненадолго освежили воздух, но потом несомый бризом от Пальмиры смрад отбросов, пригоревшего жира и тухлой рыбы снова сделался докучлив.

Геральт переночевал у Лютика. Занятая бардом комнатка была уютной. В буквальном смысле – двоим здесь приходилось ютиться, а чтобы добраться до постели – прижиматься к стене. К счастью, на кровати помещались двое, спать на ней вполне удавалось, пусть она и отчаянно трещала, а матрас оказался истерт в труху заезжими купцами, известными любителями интенсивного внебрачного секса.

Геральту, не пойми с чего, приснилась Литта Нейд.

Завтракать они отправились на ближайший рынок, в харчевню, где, как успел разведать бард, подавали расчудесные сардинки. Лютик угощал. Геральт не возражал. В конце концов, чаще бывало наоборот – это Лютик, поиздежавшись, вкушал от его щедрот.

Словом, они засели за грубо тесаным столом и принялись за прожаренные до хруста сардинки, принесенные им на деревянной тарелке – огромной, с тележное колесо. Лютик, как приметил ведьмак, время от времени испуганно оглядывался. И замирал, когда ему казалось, что кто-то из прохожих присматривается к ним слишком пристально.

– Надобно тебе, полагаю, – пробормотал он наконец, – разжиться каким-никаким оружием. И носить его на виду. Стоило бы извлечь урок из вчерашнего происшествия, разве нет? О, глянь, видишь, там щиты и кольчуги? Это оружейная мастерская. Наверняка у них и мечи найдутся.

– В этом городе, – Геральт вгрызся в спинку сардины и выплюнул плавник, – оружие запрещено, у чужаков его отбирают. Полагаю, одним лишь бандитам и позволено расхаживать здесь вооруженными.

– Могут – и расхаживают, – бард кивнул на скучавшего неподалеку верзилу с увесистым бердышом на плече. – Но в Кераке запреты издает, следит за их исполнением и наказывает за их нарушение Ферран де Леттенхоф, мой, как ты знаешь, двоюродный брат. А поскольку кумовство – се святой закон природы, на здешние запреты мы оба можем положить. Нам, сим утверждаю я, позволено носить и применять оружие. Закончим завтракать и пойдем покупать тебе меч. Госпожа хозяйка! Чудесные у вас рыбки! Прошу поджарить еще десяток!

– Ем я этих сардинок, – Геральт выплюнул обгрызенный хребет, – и констатирую, что потеря мечей – ничто иное, как наказание за обжорство и снобизм. За то, что захотелось мне роскоши. Вышло так, что выполнял я в здешних окрестностях одну работу, вот и решил заскочить в Керак, попить в «Natura Rerum», трактире, о котором говорят по всему миру. А нет бы съесть где-нибудь потрошков, капусты с горохом или рыбной юшки...

– Кстати сказать, – Лютик облизнул пальцы, – эта «Natura Rerum», хотя и заслуженно славящаяся кухней, лишь одна из многих. Есть местечки, где еду подают не худшую, а бывает

– и лучшую. Хоть бы «Шафран и перец» в Горс Велене или «Хен Кербин» в Новиграде, с собственной пивоварней. А еще «Сонатина» в Цидарисе, недалеко отсюда – лучшие дары моря на побережье. «Риволи» в Мариборе и тамошний глухарь по-брокилонски, а еще и шпигованное сало у них же. «Паприка» в Альдерсберге и их славная корейка из зайца со сморчками а-ля король Видемонт. «Хофмайер» в Хирунде, эх, попасть бы туда осенью после Саовины¹⁵, на печеного гуся в грушевом соусе... Или вот «Два пескаря», в нескольких милях за Ард Каррайгом, обычный трактир на перекрестке, а подают там лучшие свиные рульки, какие я в жизни едал... Ха! Гляди, кто к нам пожаловал. Про волка речь! Привет, Ферран... В смысле... хм... господин инстигатор...

Ферран де Леттенхоф приблизился, жестом приказав челядникам, чтобы остались на улице.

– Юлиан. Господин из Ривии. Я прибыл с вестью.

– Не скрою, – отвечивал Геральт, – что мне уже не терпится. В чем сознались преступники? Напавшие на меня вчера, пользуясь тем, что я был безоружен? Говорили они об этом совершенно открыто и вслух. Что доказывает: они имели отношение к краже моих мечей.

– Доказательств этого, увы, нет, – инстигатор пожал плечами. – Трое заключенных – обычная мелкая рыбешка, мало что знающая. Нападение они совершили, это правда, осмелев оттого, что ты был безоружен. Сплетня о краже разошлась поразительно быстро, и, думается, заслуга в том дам из кордегардии. И тотчас нашлись охочие... Что, кстати, совершенно не удивительно. Ты ведь не принадлежишь к персонам, пользующимся повсеместной народной любовью... Да и не жаждешь симпатии с популярностью. В тюрьме избил сокамерников...

– Ясно, – кивнул ведьмак. – Это все моя вина. Те вчерашние тоже пострадали. Они не жаловались? Не требовали возмещения?

Люттик хихикнул, но сразу же замолчал.

– Свидетели вчерашнего происшествия, – жестко проговорил Ферран де Леттенхоф, – отметили, что те трое избиты бондарской клепкой. И что побиты они были чрезвычайно жестоко. Так жестоко, что один из них... изгваздался.

– Наверняка от излишней чувствительности.

– Били их, – инстигатор не изменил выражения лица, – даже когда были они уже обездвижены и не представляли угрозы. А это означает превышение границ необходимой обороны.

– А я не боюсь. У меня хороший адвокат.

– Может, сардинку? – прервал тяжелое молчание Люттик.

– Сообщаю, – сказал наконец инстигатор, – что следствие продолжается. Вчерашние арестованные в краже меча не замешаны. Допрошены несколько человек, которые могли принимать участие в преступлении, но улики не найдены. Информаторы не сумели дать ни единого следа. Однако известно... и это главное, отчего я прибыл... что в определенных кругах весть о мечах вызвала некоторую активность. Якобы появились и приезжие, жаждущие помериться с ведьмаком, особенно с безоружным, силами. Я рекомендовал бы всем держаться на чеку. Не могу исключить и очередных инцидентов. Я не уверен также, Юлиан, будет ли в таких обстоятельствах компания господина из Ривии...

– В компании Геральта, – задиристо прервал трубадур, – я бывал и в куда более опасных местах, в передрагах, до которых здешнему жулью – как до небес. Обеспечь нам, кузен, если сочтешь необходимым, вооруженный эскорт. Пусть действует отпугивающе. Потому как если мы спустим шкуры очередным босякам, те станут жаловаться о превышении границ необходимой обороны.

¹⁵ От *гэльск.* Samhuinn; то же, что «Самайн» – кельтский праздник окончания уборки урожая; обычно проведение его относят к октябрю-ноябрю.

– Если это и вправду босяки, – сказал Геральт. – А не платные головорезы, кем-нибудь нанятые. Ведется ли следствие и под таким углом зрения?

– Во внимание принимаются все вероятности, – отрезал Ферран де Леттенхоф. – Следствие будет продолжено. Эскорт я выделю.

– Мы рады.

– До свиданья. Хорошего вам дня.

Над крышами города орали чайки.

* * *

Визитом к оружейнику, как оказалось, с тем же успехом можно было и пренебречь. Геральту хватило одного взгляда на выставленные мечи. А когда узнал об их цене, пожал плечами и без лишних слов покинул лавку.

– Я думал, – Лютик догнал его на улице, – что мы друг друга поняли. Тебе следует купить хоть что-нибудь, чтобы не выглядеть безоружным!

– Я не стану транжирить деньги на что ни попадя. Даже если речь о твоих деньгах. Это хлам, Лютик. Примитивные мечи массового производства. И парадные дворянские зубочистки, которым место на балу-маскараде, если кому взбредет в голову переодеться рубакой. Да еще и цены такие, что просто смешно.

– Найдем другой магазин! Или лавку!

– Везде будет одно и то же. Велик спрос на оружие абы какое и дешевое, такое, чтобы послужило в единственной битве. И не пригодилось победителям, поскольку им – оружием, собранным на поле боя, – уже нельзя толком пользоваться. Ну и есть спрос на цацки для франтов. Цацки, каковыми даже колбасу не нарезать. Разве что – паштетную.

– Ты, как обычно, преувеличиваешь!

– В твоих устах это комплимент.

– Непреднамеренный! Но откуда тогда, скажи-ка, взять хороший меч? Не хуже тех, которые украли? А то и лучше?

– Есть, например, мастера-мечники. Может, у них на складе и попадется годный клинок. Но мне нужен меч, подогнанный под руку. Откованный и выполненный на заказ. А это занимает несколько месяцев, а то и, случается, год. Нет у меня столько времени.

– Какой-то меч ты себе спроворить все же должен, – трезво заметил бард. – И полагаю, как можно скорее. Так что остается? Может...

Он понизил голос и осмотрелся.

– Может... Может, Каэр Морхен? Там наверняка...

– Наверняка, – прервал его Геральт, играя желваками. – А как же. Там до сих пор достаточно клинков, богатый выбор, включая серебряные. Но он далеко, а нынче ни дня без грозы и ливня. Реки поднялись, дороги размокли. Путь занял бы месяц. Кроме того...

Он со злостью пнул выброшенное кем-то дырявое лукошко.

– Я дал себя обокрасть, Лютик, обдурить и обокрасть, как последний фраер. Весемир меня высмеет немилосердно, товарищи, окажись они как раз в Твердыне, тоже повеселятся, разговоров обо мне на годы хватит. Нет. Это, чтоб ему пусто, и в расчет не идет. Должен я справиться иначе. И сам.

Они услышали флейту и барабанчик. Вышли на маленькую площадь, где расположились овощные ряды, а группа вагантов давала представление. Репертуар – предполуденный, сиречь примитивные шутки, совершенно несмешные. Лютик вошел меж лотков и там с достойными удивления и неожиданными для поэта познаниями занялся оценкой и дегустацией возлежавших на прилавках огурцов, свеклы и яблок, всякий раз вступая в дискуссии и флирт с торговками.

– Квашеная капуста! – провозгласил, набирая оную из бочки при помощи деревянных щипцов. – Попробуй, Геральт. Чудесная, верно? Вкусная и спасительная штука эта капуста. Зимой, когда витаминов не хватает, от скорбута спасает. И антидепрессант чудесный.

– Это как?

– Съедаешь плоску квашеной капусты, запиваешь плоской кислого молока... и враз депрессия превращается в меньшую из твоих хлопот. Забываешь о ней напрочь. На кого это ты так посматриваешь? Что за девица?

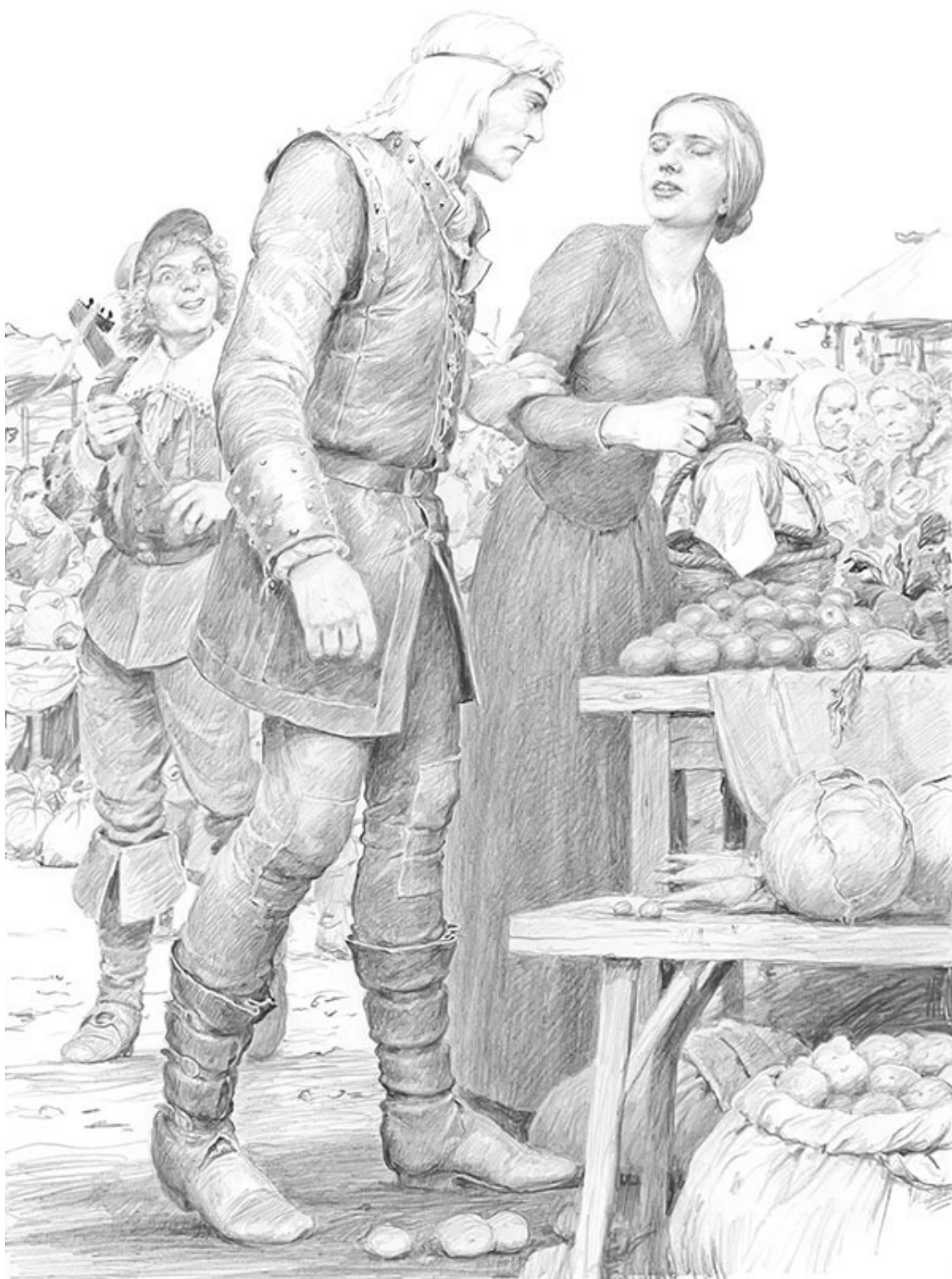
– Знакомая. Погоди-ка здесь. Я перемолвлюсь словечком и вернусь.

Примеченная девушка была Мозаикой, с которой он познакомился у Литты Нейд. Пугливая, гладко зачесанная ученица чародейки. В скромном, но элегантном платье цвета палисандра. И в котурнах на пробке, в которых она двигалась вполне изящно, принимая во внимание покрывавшие неровную мостовую скользкие овощные отбросы.

Он подошел, поймав ее подле помидоров, которые девушка вкладывала в корзину, что держала на сгибе локтя.

– Привет.

Она побледнела, увидав его, – несмотря на и без того бледную кожу. И когда бы не лоток, отскочила на шаг-другой. Сделала движение, словно намеревалась спрятать корзину за спину. Нет, не корзину. Руку. Пыталась скрыть предплечье и ладонь, плотно обмотанную шелковым платком. Геральт не упустил этот жест, а необъяснимый импульс повелел ему действовать. Ухватил девушку за руку.

– Оставь, – прошептала она, пытаясь вырваться.

– Покажи. Я настаиваю.

– Не здесь...

Она позволила отвести себя чуть в сторону от рынка, туда, где они могли оказаться хоть в относительном одиночестве. Он развязал платок и... не сумел сдержаться. Выругался. Трехэтажно и мерзко.

Левая рука девушки была перевернута. Перекручена в запястье. Большой палец торчал влево, тыльная часть ладони – направлена вниз. А внутренняя сторона – вверх. Линия жизни длинная и непрерывная, оценил он мимоходом. Линия сердца явственная, но прерывистая и пунктирная.

– Кто тебе это сделал? Она?

– Ты.

– Что?

– Ты! – она вырвала руку. – Ты использовал меня, чтобы над ней посмеяться. А она такого не прощает.

– Я не мог...

– Предвидеть? – заглянула она ему в глаза. Нет, ошибся в оценке – девушка не была ни боязливой, ни запуганной. – Ты мог и должен был. Но предпочел играть с огнем. И стоило оно того? Получил ты удовлетворение, улучшил самочувствие? Было чем похвастать в корчме перед друзьями?

Он не ответил. Не находил слов. А Мозаика, к его удивлению, внезапно улыбнулась.

– Я на тебя не в обиде, – произнесла спокойно. – Меня и саму позабавила твоя игра, и когда б я так не боялась – посмеялась бы тоже. Отдай корзинку, я спешу. Нужно купить еще кое-что. Я уже договорилась с алхимиком...

– погоди. Этого нельзя так оставлять!

– Прошу, – голос Мозаики чуть изменился. – Не начинай. Сделаешь только хуже... А мне, – добавила секунду спустя, – и так повезло. Она отнеслась ко мне по-доброму.

– По-доброму?

– Могла ведь выкрутить и обе ладони. Могла перекрутить ступни, пятками вперед. Поменять ступни, левую на правую и *vice versa*, я видала, как она кое-кому такое делала.

– Это было...

– Больно? Ненадолго. Поскольку я почти сразу потеряла сознание. Что смотришь? Так и было. Надеюсь, так будет и когда она мне ладонь вернет обратно. Через несколько дней, когда насытится местью.

– Я иду к ней. Сейчас же.

– Плохая идея. Ты не можешь...

Он прервал ее быстрым жестом. Услышал, как гудит толпа, увидел, как расступается. Ваганты перестали играть. Он заметил Лютика, который издали подавал ему судорожные и отчаянные знаки.

– Ты! Ведьмачья зараза! Я вызываю тебя на поединок! Будем биться!

– Чтоб мне сдохнуть. Отодвинься, Мозаика.

Из толпы выступил невысокий и кряжистый типчик в кожаной маске и кирасе из *cuir bouilli*¹⁶, кажется, бычьей. Типчик потряс сжатым в правой руке трезубцем, а резким движением левой развернул в воздухе рыбачью сеть, замахнулся ею, дернул.

– Я – Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием¹⁷! Вызываю тебя на бой, ведьмач...

Геральт вскинул руку и ударил его знаком Аард, вкладывая в тот столько энергии, сколько сумел. Толпа заорала. Тонтон Зрога, именуемый Ретиарием, взлетел в воздух и, дрыгая ногами, запутавшись в собственной сети, смел лоток с баранками, тяжело грохнулся оземь и с громким лязгом грянул головой в чугунную статую присевшего на корточки гнома, невесть для чего поставленную перед магазинчиком, торговавшим портняжными материалами. Ваганты наградили полет громкими рукоплесканиями. Ретиарий был жив, хотя для описания его состояния

¹⁶ Вареная кожа (*фр.*).

¹⁷ Кличку себе Тонтон взял по названию соответствующего типа гладиаторов – как раз вооружавшихся трезубцем, кинжалом и сетью. Правда, доспехи из бычьей кожи они не носили, как правило, ограничиваясь наручем и наплечником, закрывавшим плечо и левую часть груди. – *Примеч. ред.*

подошло бы слово «чуть». Геральт, не торопясь, подошел и с размаху пнул его в живот. Кто-то ухватил ведьмака за рукав. Мозаика.

– Нет, прошу тебя! Прощу – нет. Так нельзя.

Геральт пнул бы наглеца еще, поскольку хорошо знал, как *можно*, как *нельзя* и как *нужно*. И в таких делах не привык слушать посторонних. Особенно людей, которых никогда не пинали.

– Прощу, – повторила Мозаика. – Не отыгрывайся на нем. За меня. За нее. И за то, что ты сам запутался.

Он послушался. Взял девушку за плечи. И заглянул в глаза.

– Иду к твоей наставнице, – заявил сурово.

– Это плохо, – покачала она головой. – Будут последствия.

– Для тебя?

– Нет. Не для меня.

*Wild nights! Wild nights!
Were I with thee,
Wild nights should be
Our luxury!*

Emily Dickinson¹⁸

*So daily I renew my idle duty
I touch her here and there – I know my place
I kiss her open mouth and
I praise her beauty
And people call me traitor to my face.*

Leonard Cohen¹⁹

¹⁸ Дикie ночи! Дикie ночи! Будь мы вдвоем — Дикie ночи стали бы Нашим богатством. (Пер. Д. Даниловой.)

¹⁹ Я долг свой исполняю ежедневно: целую и ласкаю там и тут, и славлю красоту ее. И гневно меня в лицо предателем зовут. (Пер. В. Аренева.)

Глава седьмая

Бедро чародейки украшала искусная и удивительно подробная в деталях татуировка, представлявшая рыбку полосатой окраски.

*Nil admirari*²⁰, подумал ведьмак. *Nil admirari*.

* * *

– Глазам не верю, – сказала Литта Нейд.

В том, что произошло, в том, что все случилось так, как случилось, был виновен лишь он – и никто другой. По дороге на виллу волшебницы ведьмак шел мимо сада и не устоял перед искушением сорвать одну из росших на клумбе фрезий. Помнил главную ноту ее духов.

– Глазам не верю, – повторила Литта, стоя в дверях. Приветствовала его лично, кряжистый привратник отсутствовал. Может, случился у него выходной.

– Пришел ты, как догадываюсь, чтобы отчитывать меня за ладонь Мозаики. И принес мне цветок. Белую фрезью. Входи, пока не вызвал фурор, а город не взорвался слухами. Мужчина на моем пороге, да еще с цветами! Старожилы не упомнят такого.

Она носила свободное черное платье, сочетающее шелк и шифон, тончайшее, волнующееся при каждом движении воздуха. Ведьмак замер, засмотревшись, все еще с фрезией в вытянутой руке, желая улыбнуться и совершенно не в силах этого сделать. *Nil admirari*, повторил он мысленно Максиму, которую вынес из Оксенфурта, из университета, из девиза над входом на кафедру философии. Максиму эту он мысленно повторял всю дорогу до виллы Литты.

– Не ругай меня, – она вынула фрезью из его пальцев. – Выправлю девушке руку, как появится. Безболезненно. Может, даже прощу ее. И прошу прощения у тебя. Только не ругай меня.

Он покачал головой и снова попытался улыбнуться. Не получилось.

– Мне интересно, – она приблизила фрезью к лицу и впиалась в него своими жадеитовыми глазами, – знакома ли тебе символика цветов? Их тайный язык? Ты знаешь, о чем говорит эта фрезия, и совершенно сознательно передаешь мне ею послание? Или же цветок этот – случайная прихоть, а послание... подсознательно?

Nil admirari.

– Но это не имеет значения, – чародейка подошла к нему вплотную. – Ибо ты или явно, сознательно и расчетливо подаешь мне сигнал о том, чего жаждешь... Или таишься от желания, которое выдает твое подсознание. В обоих случаях я должна тебя поблагодарить. За цветок.

²⁰ Ничему не удивляйся (лат.).

И за то, о чем он говорит. Спасибо тебе. И – я возьму реванш. Тоже подарю тебе кое-что. О, вот эту тесемочку. Потяни за нее. Смелее.

Что же я делаю, подумал он, потянув. Плетеная тесемочка гладко выскользнула из обменных отверстий. Полностью. И тогда шелково-шифоновое платье стекло с Литты, словно вода, мягко укладываясь у стоп. Он прикрыл на миг глаза, нагота женщины поразила его, словно внезапная вспышка света. Что я делаю, подумал он, обнимая ее за шею. Что я делаю, подумал, чувствуя вкус коралловой помады на ее губах. То, что я делаю, совершенно лишено смысла, думал он, легонько направляя ее к комоду у патио и присаживаясь на малахитовую крышку.

Чародейка пахла фрезией и абрикосом. И чем-то еще. Может – мандаринами. Может – ветивером.

Это длилось минуту-другую, и под конец комод вовсю подпрыгивал на гнутых ножках. Коралл, хоть и обнимала его крепко, ни на миг не выпустила фрезии из пальцев. Запах цветка не перебивал ее запаха.

– Твой энтузиазм мне льстит, – оторвала она губы от его губ и только теперь открыла глаза. – И делает мне изрядный комплимент. Но, знаешь ли, у меня есть и кровать.

* * *

И вправду, у нее была кровать. Огромная. Просторная, словно палуба фрегата. Чародейка провела его туда, а он шел за нею, не в силах насмотреться. Она не оглядывалась. Не сомневалась, что он идет следом. Что без колебаний пойдет туда, куда она его направит. Не отводя взгляда.

Кровать была огромна, и у нее имелся балдахин, постель же оказалась шелковой, а простыня – из сатина.

Они использовали кровать, без тени сомнения, целиком, каждый ее дюйм. Каждую пядь постели. И каждую складку простыни.

* * *

– Литта...

– Можешь называть меня Коралл. Но пока ничего не говори.

Nil admirari. Запах фрезии и абрикоса. Рыжие волосы, рассыпанные по подушке.

* * *

– Литта...

– Называй меня Коралл. И можешь сделать это со мной еще раз.

* * *

Бедро чародейки украшала искусная и удивительно подробная в деталях татуировка, представлявшая рыбку полосатой окраски, из-за огромных плавников казавшуюся треугольной. Рыбок этих, называемых скаляриями, богачи и снобы-нувориши привыкли держать в аквариумах и бассейнах. Так что они всегда ассоциировались у Геральта – да и не только у него – со снобизмом и претенциозным позерством. Поэтому он удивился, что Коралл выбрала именно такую, а не какую-нибудь иную татуировку. Удивление длилось миг-другой и быстро прошло. Литта Нейд зримо, на вид и по сути выглядела молодо. Однако татуировка явно была

времен ее истинной молодости. Времен, когда привозимые из-за морей скалярии оставались еще редкой диковиной, богачей было немного, нувориши едва-едва вставали на ноги, и мало кто решался на подобную покупку. Ее татуировка – будто метрика, подумалось Геральту, пока он ласкал скалярию кончиками пальцев, и странно было, что Литта все еще носит ее, вместо того чтобы магически свести. Что ж, подумал он, перенося ласки в удаленные от рыбки гавани, это славная штука – воспоминания о молодых годах. Непросто отказаться от такого *memento*. Даже когда оно уже отзвучало и сделалось патетически банальным.

Он приподнялся на локте и пригляделся внимательней, высматривая на ее теле иные, столь же ностальгические знаки. Не нашел. Не думал, что найдет, просто любопытствовал. Коралл вздохнула. Заскучав, как видно, от абстрактных и мало действенных странствий его ладони, она ухватила оную и решительно направила в место конкретное и единственно верное с ее, Коралл, точки зрения. И чудесно, подумал Геральт, притягивая чародейку к себе, погружая лицо в ее волосы. Полосатая рыбка, подумаешь. Словно нет более насущных вещей, которым стоит посвятить внимание. О которых стоит позаботиться.

* * *

Может, и модели парусников, невнятно размышляла Коралл, с трудом усмиряя рвавшееся из груди дыхание. Может, и солдатики, может, и рыбная ловля на мушку. Но то, что действительно важно... Что по-настоящему важно... Это то, как он меня обнимает.

Геральт обнял ее. Так, словно была она для него всем миром.

* * *

В первую ночь спали они немного. И даже когда Литта уснула, у ведьмака со сном возникли проблемы. Она столь крепко обняла его в талии рукой, что он и дышал-то с трудом, ногу же – забросила поперек его бедер.

Во вторую ночь она была менее жадной. Не держала и не обнимала так сильно, как вчера. Видимо, уже не боялась, что наутро сбежит.

* * *

– Ты задумался. Твое лицо стало мужественным и сумрачным. Причина?

– Удивляет меня... хм... натурализм нашей связи.

– Что-что?

– Я уже сказал. Натурализм.

– Кажется, ты использовал слово «связь»? Воистину, широта его значения поражает. Похоже, тебя посетила посткоитальная печаль. Состояние и вправду естественное, случающееся у всех высших существ. У меня, ведьмак, тоже, собственно, странная слезка на глаза наворачивается... Ну, веселее, веселее! Я пошутила.

– Ты соблазнила меня... Словно самца.

– С чего вдруг?

– Соблазнила меня. Словно насекомое. Фрезиево-абрикосово-магическими феромонами.

– Ты всерьез?

– Не злись. Прошу, Коралл.

– Я не злюсь. Наоборот. Наверное, по некотором размышлении, пришлось бы с тобой согласиться. Да, это натурализм в чистом виде. Только вот все – совершенно наоборот. Это ты

меня заморочил и соблазнил. С первого взгляда. Натуралистично и анималистично станцевал предо мною брачный танец самца. Подпрыгивал, топал, распускал хвост...

- Неправда.
- ...распускал хвост и трепыхал крыльями, словно тетерев. Кукарекал и кудахтал...
- Я не кудахтал.
- Кудахтал.
- Нет.
- Да. Обними меня.
- Коралл?
- Что?
- Литта Нейд... Это ведь не твое настоящее имя, верно?
- Мое настоящее было бы непросто произнести.
- Отчего бы?
- А вот скажи быстро: Астрид Литтнейд Асгейрфиннбьорнсдоттир.
- Понимаю.
- Сомневаюсь.

* * *

– Коралл?
– М-м-м?
– А Мозаика? Откуда ее прозвище?
– Знаешь, ведьмак, чего я не люблю? Вопросов о других женщинах. А уж особенно – когда спрашивающий лежит со мной в одной постели. И валяет дурака. Нет чтобы сосредоточиться на том, на чем он как раз держит руку. Решился бы ты на нечто подобное, лежа в постели с Йеннефер?

- А я не люблю, когда произносят определенные имена. Особенно в момент, когда...
- Мне перестать?
- Этого я не говорил.

Коралл поцеловала его в плечо.

– Когда она попала в школу, звали ее Айк, родовой фамилии не помню. Мало того, что имя странное, так еще были у нее проблемы с пигментацией кожи. Щека – испещрена светлыми заплатами, выглядела и вправду словно мозаика. Ее, конечно, вылечили, у чародейки не может быть изъянов. Но это прозвище, издевательское сперва, приклеилось. И скоро перестало быть издевательским. Она и сама его полюбила. Но хватит о ней. Говори со мной и обо мне. Ну, давай.

- Что – давай?
- Говори обо мне. Какая я. Красивая, верно? Ну, скажи!
- Красивая. Рыжая. И веснушчатая.
- Я не веснушчатая. Убрала веснушки с помощью магии.
- Не все. О некоторых забыла. А я их высмотрел.
- Где... Ах. Ну да. Верно. Значит, веснушчатая. И какая еще?
- Сладкая.
- Что-что?
- Сладкая. Как вафелька с медом.
- А ты не смеешься надо мною?
- Взгляни на меня. В мои глаза. Видишь ли ты в них хотя бы тень неискренности?
- Нет. И это меня беспокоит сильнее всего.

* * *

- Присядь на край кровати.
- Чтобы?..
- Хочу взять реванш.
- Ты о чем?
- За веснушки, которые ты высмотрел там, где высмотрел. За приложенные усилия и внимательное... исследование. Я желаю взять реванш и отблагодарить. Могу?
- И не откладывая.

* * *

У виллы чародейки, как и почти у всех остальных вилл в этой части города, была терраса, с которой открывался вид на море. Литта любила сидеть там, часами наблюдая за кораблями на рейде, для коих целей у нее имелась изрядных размеров подзорная труба на штативе. Геральт не разделял ее увлеченности морем и тем, что там плавало, но любил сопровождать ее на террасе. Садился поближе, сразу за ней, лицо у ее рыжих локонов, наслаждаясь запахом фрезии и абрикоса.

– Тот вон галеон, что бросает якорь, взгляни, – указывала Коралл. – На флаге голубой крест, это «Гордость Цинтры», наверняка рейс в Ковир. А тот вон когг – это «Алькэ», из Цидариса, наверняка принимает груз кож. А там, о, «Тефида», транспортный хольк, местный, двести лаштов грузоподъемности, каботажник, курсирует между Кераком и Настрогом. Там, смотри, как раз встает на рейд новиградский шкунер²¹ «Пандора Парви», чудесный, чудесный корабль. Взгляни в окуляр. Увидишь...

– Я вижу и без подзорной трубы. Я мутант.

– Ах, верно. Я позабыла. О, там галера «Фуксия», тридцать два весла, может взять на борт четыреста лаштов. А тот стройный трехмачтовый галеон – это «Вертиго», приплыл из Лан Эксетера. А там, дальше, с амарантовым флагом – это реданский галеон «Альбатрос», три мачты, сто двадцать стоп между штевами... О, там, смотри, смотри, ставит паруса и выходит в море почтовый клипер «Эхо», я знаю капитана, когда причаливает, столуется у Равенги. Там снова, гляди, под полными парусами, галеон из Повисса...

Ведьмак отвел волосы от спины Литты. Медленно, один за другим, расстегнул крючки, спустил платье с плеч чародейки. А после посвятил обе ладони и все внимание двум галеонам под полными парусами. Галеонам, каких было не сыскать на всех морских путях, рейдах, портах и в реестрах адмиралтейств.

²¹ Шкунер – от *нидерл.* schoener: архаизированное название типа корабля, более известного нам как «шхуна».

Литта не протестовала. И не отрывала глаз от окуляра подзорной трубы.

– Ты ведешь себя, – сказала через какое-то время, – словно пятнадцатилетний подросток. Как будто видишь ее впервые.

– Для меня каждый раз – будто впервые, – признал он, помедлив. – А пятнадцатилетним подростком я, сказать по правде, так никогда и не был.

* * *

– Я родом из Скеллиге, – сказала она ему после, уже в постели. – Море у меня в крови. И я его люблю.

– Иногда мечтаю, – продолжила, когда он промолчал, – уплыть. Сама, в одиночку. Поставить парус, выйти в море... Далеко-далеко, за самый горизонт. Вокруг только вода и небо. Меня обрызгивает соленая пена волн, ветер ерошит волосы с истинно мужской лаской. А я – одна, совершенно одна, бесконечно одинокая среди чуждой и враждебной стихии. Одиночество посреди моря чуждости. Ты не мечтаешь о нем?

Нет, не мечтаю, подумалось ему. Я живу так каждый день.

* * *

Настал день летнего солнцестояния, а после него – магическая ночь, самая короткая в году, во время которой цвел по лесам папоротник, а натертые ужовником нагие девицы танцевали на мокрых от росы полянах. Ночь, проносящаяся в мгновение ока. Ночь безумная и светлая от молний.

* * *

Утром после солнцестояния он проснулся в одиночестве. На кухне его ждал завтрак. И не только.

– Добрый день, Мозаика. Прекрасная погода, верно? Где Литта?

– У тебя сегодня выходной, – ответила она, не глядя на него. – Моя несравненная госпожа будет работать. Допоздна. Из-за часов, которые она посвятила... приятностям, накопились пациентки.

– Пациентки.

– Она лечит бесплодие. И другие женские болезни. Ты не знал? Ну, теперь знаешь. Хорошего тебе дня.

– Постой, не уходи. Я хотел...

– Не знаю, чего ты хотел, – прервала она его. – Но это, пожалуй, плохая идея. Лучше было бы тебе со мной не говорить. Делать вид, что меня вообще нет.

– Коралл тебя не обидит больше, я обещаю. Да ее и нет здесь, она нас не видит.

– Она видит все, что хочет увидеть, для этого хватит пары заклинаний и артефакта. И не заблуждайся, будто имеешь на нее хоть какое-то влияние. Для этого необходимо нечто большее, чем... – Она дернула головой в сторону спальни. – Прошу тебя, не произноси при ней моего имени. Даже мимоходом. Потому что она мне это припомнит. Пусть даже и через год – но припомнит.

– Если она так тебя воспринимает... А ты не можешь просто уйти?

– Куда? – фыркнула она. – В ткацкую мануфактуру? В ученичество к шведу? Или сразу в лупанарий? У меня никого нет. Я – никто. И останусь никем. Только она может это изменить. Я перенесу все... Но не говори ей, пожалуйста.

– В городе, – глянула она на него через минуту-другую, – я повстречала твоего приятеля. Того поэта, Лютика. Он расспрашивал о тебе. Беспокоился.

– Ты его успокоила? Сказала, что я в безопасности? Что мне ничего не угрожает?

– А зачем бы мне врать?

– Прости?

– Ты не в безопасности. Ты здесь, с ней, из-за тоски по той, другой. Даже когда ты с ней рядом, все равно думаешь о той. Она все прекрасно понимает, но продолжает игру, поскольку ее это развлекает, а ты хорошо притворяешься, ты дьявольски убедителен. Однако думал ли ты о том, что произойдет, когда ты себя выдашь?

* * *

– Нынче ты снова ночуешь у нее?

– Да, – ответил Геральт.

– Это будет уже неделя, знаешь?

– Четыре дня.

Лютик провел пальцами по струнам лютни в эффектном глissандо. Оглядел постоянный двор. Глотнул из кружки, вытер пену с носа.

– Знаю, это твое дело, – сказал с необычными для него серьезностью и твердостью. – Знаю, что мне не следует вмешиваться. Знаю, что ты не любишь, когда кто-то вмешивается. Но о некоторых вещах, друг Геральт, не пристало молчать. Коралл, если хочешь знать мое мнение, принадлежит к тем женщинам, которым постоянно и на видном месте надлежит носить предупреждающий ярлык. Гласящий: «Смотреть, но не трогать». Какие в зверинцах размещают на террариумах, где содержат гремучих змей.

– Я знаю.

– Она играет с тобой и играет тобою.

– Я знаю.

– А ты, как зачастую и бывает, вспоминаешь Йеннефер, которую не можешь позабыть.

– Я знаю.

– Тогда почему...

– Не знаю.

* * *

Вечерами они выходили. Порой в парк, порой на гору, встающую над портом, порой просто прогуливались по Пряным рядам.

Вместе посетили австерию «Natura Rerum». Несколько раз. Феб Равенга не находил себе места от счастья, вымуштрованные им гарсоны крутились волчками. Геральт наконец-то узнал, каков вкус тюрбо в чернилах каракатицы. А потом – гусяного бедрышка в белом вине и телячьего костреца в овощах. Лишь сперва – и совсем недолго – мешало им навязчивое, нарочитое внимание других посетителей. Потом – спасибо Литте – он не обращал на них внимания. Вино из здешних подвалов изрядно в этом помогало.

Затем они возвращались на виллу. Коралл скидывала платье уже в прихожей, совершенно нагой шла в спальню.

Он шел следом. И смотрел. Любил на нее смотреть.

* * *

– Коралл?

– Что?

– По слухам, ты всегда можешь увидеть, что захочешь. Тебе достаточно нескольких заклинаний и артефакта.

– Слуху, – она приподнялась на локте и заглянула ему в глаза, – полезно будет, полагаю, снова выкрутить какой-нибудь сустав. Это должно отучить слух молотить языком почем зря.

– Очень тебя прошу...

– Я пошутила, – отрезала она. Однако в голосе ее не слышалось и следа веселья.

– А что такого, – продолжила она, когда он смолчал, – ты хотел бы увидеть? Или выяснить? Сколь долго проживешь? Когда и как помрешь? Какая лошадь выиграет Большие Троторгорские? Кого коллегия электоров выберет иерархом Новиграда? С кем нынче Йеннефер?

– Литта.

– Чего ты хочешь, могу я узнать?

Он рассказал ей о краже мечей.

* * *

Сверкнуло. А миг спустя пророкотал гром.

Фонтан журчал тихонько, бассейн пах мокрым камнем. Мраморная девочка окаменела в танцевальном па, мокрая и лоснящаяся.

– Статуя и фонтан, – поспешила пояснить Коралл, – не служат удовлетворению моей любви к претенциозному кичу или склонности следовать снобистской моде. Она – для конкретных целей. А статуя изображает меня. В миниатюре. В возрасте двенадцати лет.

– Кто бы в ту пору мог подумать, что ты так прекрасно разовьешься.

– Это накрепко связанный со мною магический артефакт. Фонтан же, вернее – вода, служит мне для дивинации. Я полагаю, ты знаешь, что такое и в чем состоит дивинация?

– В общих чертах.

– Кража твоего оружия произошла каких-то десять дней назад. Для прочтения и анализа минувших событий, даже тех, что случились давно, наилучшей является онейромантия, но для нее необходим довольно редкий талант сновидчества, которым я не обладаю. Сортилегия, или же клеромантия, нам скорее всего не поможет, равно как и пиромантия с аэромантией, которые действительны при отгадывании судеб людей, если имеется нечто, сим людям принадлежавшее... волосы, ногти, части одежды и всякое такое. К предметам, в нашем случае – к мечам, это применить не удастся.

– А потому, – Литта отвела со лба рыжую прядь, – остается нам лишь дивинация. Как ты наверняка знаешь, она позволяет видеть и провидеть прошедшие события. Помогут нам стихии, ибо сезон настал воистину грозовой. Соединим дивинацию с керауноскопией. Приблизься. Возьми мою руку и не отпускай. Наклонись и всматривайся в воду, но ни в коем случае не прикасайся к ней. Концентрируйся. Думай о своих мечях! Интенсивно думай о них!

Он слышал, как чародейка читает речитативом заклинание. Вода в бассейне откликалась, вспениваясь с каждой фразой проговариваемой формулы, волнуясь все сильнее. Со дна начали подниматься большие пузыри.

Вода разгладилась и помутнела. А потом мигом осветлилась.

Из глубины глядят темные, фиалковые глаза. Черные, как вороново крыло, локоны каскадом спадают на плечи, сияют, отражают свет, словно павлиньи перья, развиваясь и волнуясь при каждом движении...

– О мечях, – напомнила Коралл, тихо и едко. – Ты должен думать о мечях.

Вода закипела, черноволосая и фиалковоглазая женщина растворилась в водоворотках. Геральт тихо вздохнул.

– О мечях! – прошипела Литта. – Не о ней!

Произнесла заклинание в сверканьи очередной молнии. Статуэтка на фонтане просияла молочно, а вода снова успокоилась и осветлилась. И тогда он увидел.

Свой меч. Прикасающиеся к нему руки. Перстни на пальцах.

...из метеорита. Прекрасный баланс, вес клинка в точности равен весу рукояти...

Второй меч. Серебряный. Те же самые руки.

...стальной сердечник, окованный серебром... по всей длине клинка – рунические знаки...

– Вижу их, – прошептал он громко, сжимая ладонь Литты. – Вижу мои мечи... Правда...

– Молчи, – откликнулась она еще более сильным пожатием. – Молчи и сосредотачивайся.

Мечи исчезли. Вместо них он увидел черный лес. Каменную осыпь. Скалы. Одну из скал, огромную, массивную, высокую и отвесную... Выглаженную ветрами в странную форму...

Вода на миг вспенилась. Мужчина с проседью, благородные черты лица, черный бархатный кафтан и золотой парчовый камзол, обе руки упираются в бюро красного дерева. Лот номер десять, объявляет он громко. Абсолютная редкость, небывалая находка, два ведьмачьих меча...

Большой черный кот крутится на месте, пытаясь дотянуться лапкой до колышущегося над ним на цепочке медальона. На золотом овале медальона – эмаль, голубой дельфин *nageant*.

Река течет меж деревьями, под навесом ветвей и свисающих над водой сучьев. На одном из сучьев неподвижно стоит женщина в длинном и облегающем платье.

Вода вспенилась коротко и почти сразу снова разгладилась.

Он видел море трав, безбрежную, уходившую к горизонту равнину. Видел ее сверху, словно с высоты полета... Или с вершины горы. Горы, по склону которой поднималась шеренга неясных фигур. Когда поворачивали головы, он видел неподвижные лица, незрячие мертвые глаза. Они же мертвы, понял он внезапно. Это – процессия трупов...

Пальцы Литты сжали его ладонь. Жестко, будто клещи.

Сверкнуло. Внезапный порыв ветра развеял их волосы. Вода в бассейне забурлила, вскипела, пошла пеной, встала высокой, словно стена, волной. И пала прямо на них. Они вдвоем отскочили от фонтана, Коралл споткнулась, он ее придержал. Ударил гром.

Чародейка выкрикнула заклинание, махнула рукой. Во всем доме вспыхнули огни.

Вода в бассейне, еще миг назад крутившаяся водоворотом, стала гладкой, спокойной, лишь лениво движимой журчащей струйкой фонтана. А на одеждах, еще секунду назад облитых гигантской волной, не было ни капельки.

Геральт тяжело вздохнул. Поднялся.

– М-м-м, в конце... – пробормотал, помогая подняться чародейке. – Тот последний образ... Гора и шеренга... людей... Я не разобрал... понятия не имею, что оно такое...

– Я тоже, – ответила она чужим голосом. – Но это было не твое видение. Этот образ предназначался мне. И я тоже не имею понятия, что оно такое. Но чувствую, что видение не сулит мне ничего хорошего.

Громы стихали. Гроза уходила. В глубь материка.

* * *

– Шарлатанство вся эта ее дивинация, – повторил Лютик, подкручивая колки лютни. – Мошеннические мороки для простецов. Сила внушения – не больше. Ты думал о мечях – и мечи увидел. И что же ты еще якобы видел? Процессию трупов? Ужасающую волну? Скалу странной формы? Это, стало быть, какой?

– Что-то наподобие огромного ключа, – задумался ведьмак. – Или геральдического креста – двойного с половиною.

Трубадур задумался. А потом смочил палец в пиве. И начертал нечто на столешнице.

– Наверде этого?

– Ха. Даже слишком похоже.

– Вот же проклятие! – Лютик дернул струны, обратив на себя внимание всей корчмы. – Чтоб меня гусь топтал! Ха-ха, дружище Геральт! Сколько раз ты вытаскивал меня из пучины проблем? Сколько раз помогал? Делал одолжения? И не счесть! Теперь моя очередь. Может, с моей помощью ты сумеешь снова обрести свое прославленное оружие.

– Ты о чем?

Лютик встал.

– Госпожа Литта Нейд, твоя новая зазноба, коей я нынче отдаю должное как знатной ворожее и непостижимой ясновидице, в своей дивинации методом бесспорным, прозрачным и не пробуждающим сомнений, указала на место, которое мне известно. Пойдем-ка к Феррану. Тотчас же. Он должен организовать нам аудиенцию с помощью своих секретных знакомств. И выправить тебе пропуск на выход из города, служебными воротами, дабы избежать конфронтации с теми гетерами из кордегардии. Мы отправимся в небольшое путешествие. Небольшое и, скажем прямо, не слишком-то далекое.

– Куда?

– Я узнал скалу из твоего видения. По-научному это зовется карстовым останцем. Местные же кличут ее Грифоном. Характерная деталь, почти указатель, ведущий в место пребывания персоны, которая и вправду может что-то знать о твоих мечях. Место, в которое мы выбираемся, носит название Равелин. Говорит это тебе о чем-то?

Не одно токмо исполнение, не сама ремесленная умелость о достоинстве меча ведьмачьего рекут. Подобно таинным эльфым альбо же краснолюдским клинкам, секрет коих утрачен, меч ведьмачий удивительной силою связан с рукою и разумом ведьмака, коий им владеет. И лишь благодаря арканам оной магии в сражение супротив Темных Сил он и силен.

Пандольфо Фортегуэрра
Трактат о благородном оружии

Открою я вам кое-какой секрет. О ведьмачьих мечях. Это ерунда, что, мол, мечи обладают некоей тайной силою. И что, дескать, чудесное они оружие, что будто бы нет их лучше. Это все обман, измышленный для видимости. Знаю я это из абсолютно доверенного источника.

Лютик
Полвека поэзии

Глава восьмая

Скалу, называемую Грифоном, они узнали сразу: была видна издалека.

* * *

Место, куда они направлялись, лежало менее чем на полдороге между Кераком и Цида-рисом, чуть в стороне от соединяющего оба города тракта, что вился меж лесов и скалистых пустошей. Дорога заняла какое-то время, которое заполнили они болтовней. Главным образом – стараниями Лютика.

– Народная молва гласит, – говорил поэт, – что используемые ведьмаками мечи обладают магическими способностями. Опуская придумки о половом бессилии, что-то здесь да должно быть. Ваши мечи ведь не просто мечи. Прокомментируешь это?

Геральт придержал лошадку. Застоявшейся в конюшне Плотве всё хотелось пуститься в галоп.

– А как же, прокомментирую. Наши мечи – это не просто мечи.

– Говорят, – Лютик сделал вид, что не услышал насмешки, – будто магическая сила ведьмачьего оружия, губительная для чудищ, с каковыми вы сражаетесь, пребывает в самой стали, из которой мечи кованы. В самом сырье, сиречь в рудах, что происходят из падающих с неба метеоритов. Как так? Метеориты ведь – не магичны, они явление природное и научно объясненное. Тогда откуда магия?

Геральт глянул на небо, на севере мрачневшее. Похоже, собиралась очередная гроза. И приуговлялось промокание.

– Если я верно помню, – ответил он вопросом, – ты изучал семь свободных искусств?

– И диплом получил *summa cum laude*²².

– В рамках входящей в состав *quadrivium*²³ астрономии ты слушал лекции профессора Линденброга?

– Старого Линденброга, прозванного Головешкой? – засмеялся Лютик. – Ну конечно! Прямо словно наяву вижу, как он почесывает задницу и постукивает указкой по картам и глобусам, бормоча монотонно: *Sphaera Mundi*, э-э-э, *subdividitur*²⁴ на четыре Элементарных Плана: План Земли, План Воды, План Воздуха и План Огня. Земля, купно с Водой, формирует земной

²² С наибольшим почетом (лат.).

²³ Название для системы точных наук в средневековой системе образования: арифметика, геометрия, астрономия и музыка. Вместе с тривиумом (грамматикой, диалектикой и риторикой) как раз и составляли упомянутые семь свободных искусств.

²⁴ Сфера мира подразделяется (лат.).

шар, койи отовсюду, э-э-э, окружает Воздух, или же *Aer*. Над Воздухом, э-э-э, раскидывается *Aether*, Воздух Огнистый *vel*²⁵ Огонь. Над Огнем же находятся Тонкие Сидеральные Небеса, *Firmamentum*²⁶ сферичной природы. На оных расположены *Erratica Sydera*, звезды блуждающие, и *Fixa Sydera*, звезды недвижимые...

– Уж не знаю, – фыркнул Геральт, – что более удивительно: твои способности к обезьяничанью или твоя память. Возвращаясь же к интересующему нас предмету: метеориты, которые наш уважаемый Головешка определял как звезды падающие, *Sydera Cadens* или как-то так, отрываются от фирмамента и рушатся вниз, чтоб зарыться в нашу старую добрую землю. По дороге они пронзают все прочие планы, стало быть – планы как стихий, так и парастихий, поскольку таковые, говорят, тоже существуют. Стихии и парастихии насыщены, как известно, мощной энергией из источника всяческой магии и сверхъестественной силы, а пронзающий их метеорит оную энергию поглощает и сохраняет. Сталь, которую удастся из метеорита выплавить, как и клинок, который удастся из такой стали отковать, содержит в себе силу стихий. Он магичен. Весь меч – магичен. *Quod erat demonstrandum*²⁷. Понял?

– Естественно.

– Ну так забудь. Поскольку это ерунда.

– Что?

– Ерунда. Выдумка. Метеориты не валяются под каждым кустом. Больше половины мечей, которые используют ведьмаки, выкованы из стали магнетитовых руд. Я сам таким сражался. Они настолько же хороши, как и те, из падающих с неба и пронзающих стихии сидеритов. Нет абсолютно никакой разницы. Но сохрани это в тайне, Лютик, очень тебя прошу. Не говори никому.

– Как это? Я должен молчать? Зачем же было рассказывать? Какой смысл знать о чем-то, если знанием нельзя похвастаться?

– Прошу тебя. Я предпочел бы, чтобы меня считали сверхъестественным существом, вооруженным сверхъестественным же оружием. Таким меня нанимают и такому платят. «Обычный» равен «никакому», а никакой – стало быть, дешевый. Поэтому прошу тебя – рот на замок. Обещаешь?

– Да пожалуйста. Обещаю.

* * *

Скалу, называемую Грифоном, они узнали сразу: была видна издалека.

И вправду, даже при крохах воображения она напоминала сидевшую на длинной шее голову грифона. Однако куда больше – как заметил Лютик – напоминала она гриф лютни или другого струнного инструмента.

Грифон, как оказалось, был останцем, вздымавшимся над гигантским карстовым провалом. Карстовый провал – как помнил Геральт – называли Эльфийской Твердыней из-за его довольно правильной формы, напоминавшей руины древних строений, со стенами, башнями, барбаканами и подобной всячиной. Никакой твердыни, эльфийской или иной, здесь, однако, никогда не существовало, формы карстового провала были делом рук Природы, делом, следовало признать, впечатляющим.

– Там, внизу, – указал Лютик, привстав в стременах. – Видишь? Это, собственно, наша цель. Равелин.

²⁵ Либо (лат.).

²⁶ Подпорка (лат.).

²⁷ Что и требовалось доказать (лат.).

И название сие было исключительно точным. Карстовые останцы формировали удивительно правильные абрисы огромного треугольника, выдвинутого, словно бастион, перед Эльфийской Твердыней. Внутри одного треугольника возносилась постройка, напоминавшая форт. Окруженный чем-то вроде огороженного укрепленного лагеря.

Геральт вспомнил слухи, ходившие о Равелине. И о персоне, которая сделала Равелин своей резиденцией.

Они свернули с тракта.

За первую ограду вело несколько входов, все их стерегли вооруженные до зубов стражники, в которых по пестрой и разнородной одежке легко было опознать наемных солдат. На первом же посту путников остановили. Хотя Лютик громко зывал к договоренностям об аудиенции и особенно напирал на добрые отношения с шефом, приказано им было сойти с лошадей и ждать. Довольно долго. Геральт начал уже слегка терять терпение, когда наконец явился верзила с внешностью галерника и велел идти следом. Вскоре оказалось, что верзила ведет их кружным путем, задворками комплекса, из центра которого доносился гомон и звуки музыки.

Они миновали мостик. Сразу за ним лежал человек, бессознательно шаря вокруг себя руками. Лицо его было окровавленным и распухшим: вместо глаз остались щелочки. Дышал тяжело, и при каждом выдохе из разбитого носа выдувались кровавые пузыри. Ведший их верзила не обратил на лежавшего никакого внимания, потому и Геральт с Лютиком сделали вид, будто его не заметили. Они пребывали на территории, где не следовало выказывать излишний интерес. В дела Равелина не стоило совать свой нос – любопытствующий нос, по слухам, с владельцем немедленно расставался и оставался там, куда его сунули.

Верзила вел их через кухню, где, словно ошпаренные, вертелись повара. Булькали котлы, в которых, как приметил Геральт, варились крабы, омары и лангусты. В кастрюлях вились угри и мурены, тушились в горшках моллюски и омули. Шкворчали на огромных сковородах куски мяса. Слуги подхватывали уставленные готовой едой подносы и миски, чтобы унести в коридоры.

Следующее помещение наполнял, для разнообразия, запах дамских парфюмов и косметики. Перед рядами зеркал, неустанно щебеча, наводил красоту десятков-другой женщин различной степени неглиже, включая и абсолютную. Геральт с Лютиком и здесь хранили каменные выражения на лицах, не давая воли глазам.

В очередном помещении их подвергли тщательному досмотру. Осуществлявшие его люди были серьезны с виду, вели себя профессионально и действовали скрупулезно. Кинжал Геральта конфисковали. У Лютика, который оружия никогда не носил, отобрали гребень и штопор. Но – по размышлению – оставили лютию.

– Перед его преподобием стоят стулья, – поучали. – На них – сесть. Сидеть и не вставать, пока его преподобие не прикажет. Не прерывать, когда его преподобие говорит. Не говорить, пока его преподобие не подаст знак. А теперь – вперед. В те двери.

– Его преподобие? – проворчал Геральт.

– Некогда он был священником, – пробормотал в ответ поэт. – Но не бойся, вредных привычек не понахватался. Однако подданным нужно его как-то титуловать, а он не выносит, когда его зовут шефом. Нам титулатурой можно пренебречь.

Когда они вошли, нечто тотчас заступило им дорогу. Нечто было огромно, словно гора, и изрядно смердело мускусом.

– Привет, Микита, – поприветствовал гору Лютик.

Названный Микитой великан, наверняка телохранитель его преподобия шефа, был метисом, результатом скрещивания огра и краснотелы. Результатом стал лысый краснотел ростом порядком выше семи футов, совершенно без шеи, с кудрявой бородой, с выпиравшими, словно у секача, зубами и с руками, свисавшими до колен. Подобные помеси встречались нечасто, считалось, что виды эти абсолютно различны генетически – нечто вроде Микиты не могло воз-

никнуть естественным путем. Видимо, не обошлось здесь без исключительно сильной магии. Магии, кстати сказать, запретной. Ходили слухи, что многие волшебники на этот запрет внимания не обращают. И доказательство истинности подобных слухов было у Геральта прямо перед глазами.

Уселись, согласно с обязывающим здесь протоколом, на двух плетеных стульях. Геральт осмотрелся. В дальнем углу, на большом шезлонге, две полуобнаженные дамы были заняты друг дружкой. Поглядывал на них, одновременно кормя пса, маленький, невзрачный, сторбленный и совершенно никакой мужчина в свободных, цветных, вышитых одеждах и феске с кисточкой. Сормив псу последний кусочек омара, мужчина вытер руки и развернулся.

– Приветствую, Лютик, – сказал он, присаживаясь перед ними на что-то, что слегка напоминало трон, пусть даже из ивняка. – Мое почтение, господин Геральт из Ривии.

Преподобный Пираль Пратт, считающийся – и не без причин – шефом организованной преступности целого региона, выглядел мануфактурным купцом на покое. На пикнике бывших мануфактурных купцов он непременно сошел бы за своего. По крайней мере издалека. Осмотр вблизи позволял разглядеть в Пирале Пратте то, чего у мануфактурных купцов не бывает. Старый, бледный шрам на скуле, след от пореза ножом. Кривая и зловещая усмешка на узких губах. Светлые, желтоватые глаза, неподвижные, словно у питона.

Долго никто не прерывал молчания. Откуда-то из-за стены доносилась музыка, слышался гомон.

– Я рад видеть и приветствовать вас обоих, господа, – отозвался наконец Пираль Пратт. В его голосе явственно звучала давняя, нержавеющая любовь к дешевому, плохо дистиллированному алкоголю.

– Особенно я рад видеть тебя, певец, – преподобный улыбнулся Лютику. – Мы не встречались со свадьбы моей внучки, каковую ты украсил своим выступлением. И я недавно вспоминал о тебе, поскольку еще одной моей внучке что-то слишком чешется замуж. Полагаю, по старой дружбе ты не откажешь и на сей раз. Что? Споешь на свадьбе? Не заставишь себя упрашивать, как тогда? Не придется мне тебя... переубеждать?

– Спою, спою, – поспешил с уверениями Лютик, слегка побледнев.

– А нынче, – продолжал Пратт, – ты приволокся, полагаю, расспросить о моем здоровье? Так оно в полной заднице, это мое здоровье.

Лютик и Геральт не спешили с комментариями. Огрокраснолюд смердел мускусом. Пираль Пратт тяжело вздохнул.

– У меня, – сообщил, – открылась язва желудка и пищевода, а потому прелести стола мне, увы, не доступны. Диагностировали у меня большую печень и запретили пить. Добавьте сюда дископатию – позвонков как отдела шейного, так и поясничного, что вычеркнуло из моих развлечений охоту и прочие виды экстремального спорта. Лекарства и лечение жрут уйму денег, которые прежде я привык тратить на азартные игры. Копьецо мое еще, скажем так, поднимается, но сколько же надобно труда, чтобы оно восстало! Скорее умаешься, чем утетишься... И что ж мне остается? А?

– Политика?

Пираль Пратт засмеялся так, что затряслась даже кисточка на феске.

– Браво, Лютик. Как всегда, в цель. Политика, о, да, это нынче аккуратно по мне. Сперва я не был настроен благосклонно к подобным делам. Подумывал взяться как следует за разврат и инвестировать в публичные дома. Но покрутился меж политиков и многих узнал. И убедился, что лучше иметь дело со шлюхами, потому как у шлюх – хоть какая-то честь и какие-никакие правила. Однако ж из борделя не сумеешь править так же хорошо, как из ратуши. А править хотелось – если, как говорится, не светом, так поветом. Как гласит старая пословица, коль не можешь их победить – присоединись к ним...

Он прервался, оглянулся, вытягивая шею, на шезлонг.

– Не филонить, девушки! – крикнул. – Не притворяться! Больше, больше огня! Хм-м... На чем я остановился?

– На политике.

– Ах да. Но политика политикой, а у тебя, ведьмак, украли твои прославленные мечи. Разве не из-за этого дела я имею честь тебя привечать?

– В самую точку: именно из-за этого.

– Кража мечей, – покивал Пратт. – Болезненная утрата, полагаю? Наверняка болезненная. И невосполнимая. Ха, я всегда говорил, что в Кераке – вор на воре. Люди тамошние, дай лишь слабину, украдут – известное же дело – все, что не прибито накрепко гвоздями. А на случай вещей, прибитых накрепко, носят они с собою фомку.

– Следствие, полагаю, идет? – продолжил он через миг-другой. – Ферран де Леттенхоф трудится? Однако, господа, взгляните правде в глаза. От Феррана не стоит ждать чудес. Без обид, Лютик, но твой родственничек был бы куда лучшим бухгалтером, чем следователем. Для него ведь – только книжки, кодексы, параграфы, регламенты и эти его доказательства, доказательства и еще раз доказательства. А оно выходит как в той факетии о козе и капусте. Не слышали? Заперли однажды козу с головкой капусты в сарае. Утром от капусты – ни следа, а коза срет зеленым. Но доказательств нет, свидетелей нет – и делу конец, *causa finita*. Я не хотел бы оказаться дурным пророком, ведьмак Геральт, но дело о краже твоих мечей может завершиться сходным образом.

Геральт и на этот раз воздержался от комментариев.

– Один меч, – Пираль Пратт потер подбородок рукою в перстнях, – стальной. Сталь сидеритовая, руда взята из метеорита. Кована в Махакаме, в краснолюдских кузнях. Полная длина сорок с половиной дюймов, сам клинок – на двадцать семь с четвертью. Прекрасно сбалансирован, вес клинка абсолютно равен весу рукояти, вес же всего оружия наверняка меньше сорока унций. Рукоять и эфес простые, но элегантные.

– И второй меч, сходной длины и веса. Приблизительно, ясное дело. Стальной сердечник окован серебром, острое – также стальное, чистое серебро слишком мягкое, чтобы можно было хорошо заточить. На эфесе и по всей длине клинка – рунические знаки и глифы, которые мои эксперты полагают нечитабельными, но, несомненно, магическими.

– Прекрасное описание. – Геральт выдерживал каменное лицо. – Ты словно видел мечи наяву.

– Действительно, видел. Мне принесли их и предложили купить. Посредник, представляющий интересы третьего лица, персона, обладающая безукоризненной репутацией и лично мне известная, поручалась, что мечи приобретены легально, что происходят из раскопа в Фэн Карне, древнем могильнике в Соддене. В Фэн Карне находят бессчетное количество сокровищ и артефактов, потому совершенно не было причин оспаривать достоверность заявления. Однако у меня шевельнулись кое-какие подозрения, и мечи я не купил. Ты меня слушаешь, ведьмак?

– С неослабевающим вниманием. Жду выводов. И подробностей.

– Вывод таков: баш на баш. Подробности дороги. У каждой информации есть бирочка с ценой.

– Ну знаешь ли... – возмутился Лютик. – Я к тебе по старой дружбе, с приятелем в беде...

– Дело есть дело, – оборвал его Пираль Пратт. – Как я и сказал, информация, коей обладаю, имеет цену. Хочешь узнать что-то о судьбе своих мечей, ведьмак из Ривии, – придется тебе заплатить.

– И что же за цена на бирке?

Пратт вытащил из одежд большую золотую монету и вручил ее огрокраснолюду. Тот без особого усилия сломал ее в пальцах, словно печенюшку. Геральт покачал головой.

– Банальность на уровне ярмарочного вертепа, – процедил он. – Вручишь мне половину монеты, а некто, когда-нибудь, может, даже через несколько лет, появится со второй половиной. И попросит исполнить его желание. Которое мне придется выполнять безо всяких условий. Ничего не получится. Если это цена, то в ней мы не сойдемся. *Causa finita*. Пойдем, Лютик.

– Тебе не хочется получить назад мечи?

– Не настолько.

– Я подозревал. Но попытаться стоило. Предложу тебе другое. На сей раз не для того, чтобы ты отказался.

– Пойдем, Лютик.

– Выйдешь, – Пратт мотнул головой, – но в другие двери. В те. Сперва раздевшись. До исподнего.

Геральту казалось, что он контролирует лицо. Должно быть, ошибался, поскольку огрокраснолюд внезапно зарычал и шагнул к нему, воздев лапищи и засмердев в два раза шибче.

– Это какое-то издевательство, – громко заявил Лютик, стоя подле ведьмака, как обычно бедовый и языкатый. – Насмехаешься над нами, Пираль. А потому мы сейчас попросаемся и выйдем. Причем в те же двери, которыми вошли. Не забывай, кто я такой! Я ухожу!

– Не думаю, – покачал головой Пираль Пратт. – То, что ты не слишком-то умен – мы уже некогда уяснили. Но чтобы сейчас не пытаться уйти – для этого ты умен достаточно.

Дабы подчеркнуть весомость сказанного, огрокраснолюд показал им сжатый кулачище. Размером с арбуз. Геральт молчал. Уже некоторое время он приглядывался к великану, высматривая в нем место, чувствительное для пинка. Поскольку шло к тому, что без пинка никак не обойдется.

– Ну, ладно. – Пратт жестом утихомирил телохранителя. – Я чуток уступлю, выкажу добрую волю и желание компромисса. Нынче у меня собралась элита ремесел, торговли и финансов, разномастные политики, дворяне, духовенство, даже один князь – инкогнито. Я обещал им спектакль, какого они прежде не видывали, а уж ведьмака в исподнем они не видывали наверняка. Но пусть уж, ладно: выйдешь голым по пояс. Взамен получишь информацию, причем сразу. Кроме того, как бонус...

Пираль Пратт взял со стола листок бумаги.

– Как бонус – двести новиградских крон. На ведьмачий пенсионный фонд. Прошу, вот чек на предъявителя, на банк Джианкарди, с инкассацией в любом их филиале. Как тебе такое?

– Зачем спрашиваешь? – прищурился ведьмак. – Ты ведь, кажется, дал уже понять, что отказаться я не сумею.

– Точно. Я говорил: предложение не для того, чтобы отказываться. Но, полагаю, оно пойдет на пользу обеим сторонам.

– Лютик, бери чек. – Геральт расстегнул и снял куртку. – Говори, Пратт.

– Не делай этого. – Лютик побледнел еще сильнее. – Разве знаешь, что тебя будет ждать за теми дверьми?

– Говори, Пратт.

– Как я уже упоминал, – преподобный уселся поудобней на своем троне, – я мечи у посредника покупать отказался. Но поскольку, как было сказано, он – персона, хорошо мне известная и достойная доверия, я предложил другой, куда более выгодный способ монетизации. Посоветовал, чтобы нынешний их владелец выставил мечи на аукцион. В аукционном доме братьев Борсоди, в Новиграде. Это крупнейший, с серьезным реноме коллекционерский аукцион, туда со всего мира съезжаются любители раритетов, древностей, редких произведений искусства, уникальных изделий и всякоразных диковинок. Чтобы приобрести какой-нибудь феномен для своей коллекции, чудаки эти торгуются, словно безумные, разнообразные экзотические чудеса идут у Борсоди иной раз за невообразимые суммы. Нигде не продать дороже.

– Говори, Пратт, – ведьмак стянул рубаху. – Я тебя слушаю.

– Аукционы в доме Борсоди проходят раз в квартал. Ближайший – в июле, пятнадцатого числа. Вор, несомненно, объявится там с твоими мечами. Если немного повезет, сумеешь отобрать прежде, чем их выставят на торги.

– И только-то?

– Это куда как немало.

– Личность вора? Или посредника?

– Личности вора я не знаю, – отрезал Пратт. – А посредника не выдам. Это мое дело, тут важны правила, договоры и доверие. Я бы потерял лицо. Я и так тебе много раскрыл, достаточно много за то, чего от тебя желаю. Выведи его на арену, Микита. А ты ступай за мной, Лютик, тоже поглядим. Чего ждешь, ведьмак?

– Я, так понимаю, должен выйти безоружным? Мало того, что голым по пояс, так еще и с голыми руками?

– Я обещал гостям, – пояснил Пратт, медленно, будто ребенку, – нечто, чего они дотеле не видывали. Ведьмака с оружием они не раз видывали.

– Ясно.

Он оказался на арене, на песке, в кругу вкопанных в землю кольев, залитом светом многочисленных лампионов, что висели на железных прутьях. Слышал крики, виваты, браво и свист. Видел колышущиеся над ареной лица, распахнутые рты, шальные глаза.

Напротив него, на другом конце арены, что-то шевельнулось. И прыгнуло.

Геральт едва успел сложить предплечья в знак Гелиотроп. Волшебство остановило и отбросило атаковавшую тварь. Зрители вскрикнули – в один голос.

Двуногий ящер напоминал виверну, однако был помельче, с матерого дога. Зато с более крупной, чем у виверны, головой. И куда более зубастой пастью. И значительно более длинным хвостом, истончающимся, словно кнут. Этим хвостом ящер энергично бил, мёл песок, сек колья. Склонив башку, он прыгнул на ведьмака снова.

Геральт был готов, ударил его знаком Аард и отшвырнул. Но ящер успел стегануть его кончиком хвоста. Зрители снова заорали. Запищали женщины. Ведьмак почувствовал, как на голом плече вспухает валик толщиной с колбасу. Он уже знал, зачем ему приказали раздеться. А еще он опознал противника. Был это вигилозавр, специально выращенный, магически мутированный ящер, используемый для охраны и стражи. Дело скверное. Вигилозавр считал арену местом, ему доверенным. Геральт же был непрошеным гостем, которого надлежало обезвредить. А в случае необходимости – и ликвидировать.

Вигилозавр обошел арену, отираясь о колья, яростно шипя. И атаковал, быстро, не дав времени на знак. Ведьмак ловко отскочил от щелкнувших челюстей, но не сумел уйти от удара хвостом. Почувствовал, как рядом с предыдущим вспухает еще один валик.

Знак Гелиотроп снова заблокировал атакующего вигилозавра. Ящер со свистом бил хвостом. Геральт уловил на слух разницу в посвисте, услышал его за секунду перед тем, как кончик хвоста хлестнул через спину. Боль ослепила, а по спине потекла кровь. Зрители неистовствовали.

Знаки же слабели. Вигилозавр кружил по арене так проворно, что ведьмак едва поспевал. Ему удалось уйти от двух ударов хвостом, от третьего он не уклонился, получил снова в лопатку и снова острым ребром. Кровь текла по спине ручьем.

Зрители рычали, орали и подпрыгивали. Один, чтобы лучше видеть, перегнулся через балюстраду, опершись о железный прут с лампионом. Прут подломился и вместе с лампионом рухнул на арену. Воткнулся в песок, лампион же упал на башку вигилозавра и запылал. Ящер стряхнул его, рассыпая вокруг каскады искр, зашипел, ударившись башкой о столбы арены. Геральт сразу же увидел свой шанс. Вырвал прут из песка, с короткого разбега прыгнул и с размаху воткнул железо в череп твари. Прут прошел насквозь. Вигилозавр забился, неловко

размахивая передними лапами, попытался избавиться от дырявящего мозг железа. В неловком подскоке грянулся в столб и вгрызся в дерево. Некоторое время ящер еще бился в конвульсиях, рыл песок когтями и хлестал хвостом. Наконец неподвижно замер.

Стены дрожали от приветственных и радостных криков.

Ведьмак поднялся с арены по спущенной лестнице. Воодушевленные зрители набегали со всех сторон. Кто-то похлопал по опухшему плечу, он с трудом сдержался, чтобы не двинуть в зубы. Молодая женщина поцеловала его в щеку. Другая, еще моложе, отерла кровь у него со спины батистовым платочком, который тотчас же и развернула, с триумфом демонстрируя подругам. Еще одна, почти старуха, сняла с морщинистой шеи кольцо, пытаясь оное ему вручить. Выражение лица Геральта заставило ее смешаться с толпой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.